

ШИТКИНСКИЙ ПАРТИЗАНСКИЙ ФРОНТ

Сентябрь 1942 — декабрь 1944 гг.

*Васильевский
и другие*

Автор А.М. Чернышев

Глава 6

КНИГА № 9

УЛЬЯНА ИВАНОВНА БИЧ

Родилась в 1915 году,
дочь организатора, командира и комиссара
Шиткинского партизанского фронта
Ивана Андреевича Бича-Таежного.
Беседа состоялась 14 декабря 1964 года.

А. Ю. Черневский: Ее привел ко мне бывший партизан Степан Андреевич Петров. Они присутствовали в этот день на заседании исполкома Тайшетского горсиполкома по поводу письма У. И. Бич о незаслуженном забвении памяти отца. В Тайшет она приехала со станции Чуна, где живет (ул. Доковская, 3) и работает. Коренастая, плечистая женщина с глубоко запавшими чернеющими глазами, большими и круглыми. Лоб, глаза и переносица — живой Бич, судя по его фото. Такое же круглое лицо и прямой умеренный нос. Я не ждал их, но, открыв дверь на стук, обрадованно произнес:

— О, Ульяна Ивановна Бич! Здравствуйте, здравствуйте, радуюсь и благодарю Степана Андреевича — молодец, спасибо... Проходите...

— Но как вы меня узнали?

— Хоть и по портретам, но хорошо запечатлелся образ вашего отца. А вы — его копия. Кроме того, я видел вас однажды.

— Где, когда?

— На открытии памятника вашему отцу в 1958 году.

Беседовали урывками, я задавал вопросы, она отвечала, но часто бестактно перебивал С. А. Петров, который даже здесь хотел, чтобы слушали только его.

— Отца я совсем не помню, ведь мне было всего четыре года, когда он погиб. Знаю больше понаслышке, от матери, сестер. Состав нашей семьи в 1919 году? Где мы жили, когда отец ходил с отрядами? Вот этого не знаю. Расскажу о моих братьях и сестрах. Впрочем, брат был только один...

Вера Ивановна Бич, сейчас носит фамилию мужа — Попова, 1907 г.р. Жива, живет в Саратовской области, город Балаково, Волжская, 68, кв. 5. («Кв. 11», — исправлено позже Черневским. — Е. С.). Учительница-пенсионерка.

Ульян, Юлик, как мы его звали, 1910 г.р, окончил Красноярский лесотехнический техникум, лесотехник. Перед войной жил в г. Красноуральск Свердловской области. Там и призван в 1941 году в армию, окончил краткосрочные курсы и школу младших командиров и был отправлен на фронт, но вскоре погиб. Как и при каких обстоятельствах, не знаю. Рассказывали, будто при аварии самолета, но это не точно (на полях страницы напротив строки о годе рождения Ульяна Черневский записал: «Июлиан! 1909». — Е. С.). Юлик с детства носил очки.

Ира, Ираида, по мужу Брюшкова, 1913 г.р. (г. Молодечно, Минской области, проспект Ленина, д. 74 а, кв. 67). Окончила Красноярский педтехникум, а в нынешнем году Минский педагогический институт (в пятидесятилетнем возрасте!). Проживает в г. Молодечно, можно сказать, — на родине (местечко Глубокое, где отец кончил учительскую семинарию, в десяти километрах от них).

Четвертая — я, 1915 г.р. Родилась в деревне. Окончила строительный техникум, техник-строитель, член партии. Работаю на станции Чуна, ДОК-3.

Лиза, Елизавета Ивановна Бич, родилась в 1916 году, как и я, в Сибири. Партизанка Отечественной войны. Страдает эпилепсией. Сейчас инвалид-пенсионерка, живет в г. Молодечно, точный адрес не помню.

Мать звали Марфой Алексеевной, урожденная Лещук, но не Радкевич. Радкевичи — это родня по отцу. (Кажется, мать нашего отца, наша бабушка, была урожденная Радкевич.) Родилась в 1885 году, а умерла в 1960-м в г. Молодечно.

Мама рассказывала, что она была очень недовольна партизанством отца. Почему? Никогда нет дома, все под страхом. А ведь у нее пятеро детей, и самой старшей Вере было 12 лет. Еще мама говорила, что отец всегда, и зимой и летом, в партизанах ходил в кожанке, с наганом на красном шнурке. Он никогда не курил! Ни раньше, ни в партизанские годы.

Я читала вашу статью «Жизнь, отданная за счастье народа» («Жизнь, отданная борьбе за счастье народа», «Заря коммунизма», 7 ноября 1964 г., г. Тайшет) и хочу возразить по части возраста моего отца. Вы пишете, что он умер, т.е. погиб, на 39-м году жизни, а нам мама говорила всегда, что он умер 36-ти лет.

— Но на могильном памятнике, открытом в 1958 году, дата рождения и дата смерти: 29.VIII.1881 г. — 6.IX. 1919 г. Откуда взялись эти данные? Очевидно, их дала Елена Андреевна Бич, которая хоронила брата, ухаживала за его могилой.

— Не знаю, могли перепутать. Вот ведь день смерти неверен. Его судили 30 сентября, в этот же день он написал предсмертное письмо, отдал его в руки Елене Андреевне для передачи семье, что тетя и сделала. А 1 октября его казнили. Возможно, 6-е число — это день похорон, но не девятого, а десятого месяца, т.е. октября. У меня есть копия этого письма.

— Копия письма? Полная?

— Да, слово в слово, и дата 30-е сентября.

— А подлинник где?

— Мама говорила, забрали с какими-то документами.

— Вы сможете прислать мне копию с копии? Очень прошу.

— Обещаю. После разгрома контрреволюции и изгнания интервентов нас, пятерых детей, сдали в Канский детский дом, где мы воспитывались. Вера, старшая сестра, была нашим наставником и заменила нам мать. Она кое-что, да многое, может вам рассказать. Свяжитесь с ней.

Предсмертное письмо И. А. Бича-Таежного, 30 сентября 1919 года

Накануне нового, 1965 года от Ульяны Ивановны пришло письмо: «Надеюсь на вашу добропорядочность и аккуратность, высылаю копию письма отца (копировала Елена Андреевна Латышева, его сестра, письмо у нее взяла в дело Иркутск или Москва). Посылаю единственный подлинник — письмо сына Бича И.А, Бича И.И. Бич Июлиан Иванович погиб на фронте в 1941—1944 году.. Он был почти полуслепым, но пригласили и он пошел на защиту Родины и власти, завоеванной жизнью отца. Сообщите, нужно ли Вам его фото. Имею одну карточку, тогда пересниму».

Предсмертное письмо Бича скопировано крупным неровным почерком на развернутом листе гладкой нелинованной бумаги типа газетной, разделенной почти перетершимися сгибами на шестнадцать кусочков. Бумага пожелтела от времени.

«Несчастливая моя жена и горемычные дети. — писал Иван Андреевич¹. — Простите, Простите и Простите хотя я и не имею права просить т.к. я по своей фантазии жил для народа и погиб за народ а вас как негодяй осиротил и обнищал.

Я со всею душой отдался революции как святому делу освобождения трудовых масс от того гнета какой существовал. Но в организацию вошли негодяи и попрали те святые начало которые в начале организации вводил в основу. Да будет вся подлость на их голову а я чувствую себя виноватым только перед вами мои горемычные детишки я то вам кроме нищенской жизни не оставил ничего к существованию оставляю вас как птиц без средств и без приюта. Но никто не смеет вас упрекнуть что отец ваш был подлец и прожил и промотал что либо ему доверенное. К вам я старался добр но к жене суров и к вам был строг. Не мог жить такая уж моя натура да вы остаетесь нищими за несчастную фантазию вашего отца. Мне одна смерть, а вам бедным горе и несчастья.

Но видно такая моя судьба и я настолько чувствую себя виновным что несмею просить прощения и знаю что меня ты жена будешь проклинать до самой несчастной смерти Но несчастная моя милая жена Детей вырастить ты (несможешь) будучи не в силах и если кто из хороших людей будет брать в дети наших сирот, то хотя тебе это и тяжело будет но отдай только бы добрым людям. А сама как нибудь прогорюешь свою сиротскую жизнь Елена здорова меня будет хоронить но вместо вас целую последний раз этот лист и благословляю вас на вашу сиротскую трудную жизнь.

Пусть вам сам бог поможет в вашем горе а вы милые дети если будете живы и здоровы, то перед смертью своей прошу вас любите и слушайте маму и учитесь на сколько хватит ваших сил, быть справедливыми. Лучше быть бедными но справедливыми чем богатыми но подлецами. Эта! Последняя моя просьба теперь привет вам кого я уважал и последний еще раз простите.

Я последнюю ночь ночую осужденный к повешению еще добавлю да будет известно что со дня ареста господя румыны офицеры обходились со мной гуманно. Граждане солдаты были вежливы. Кормили хорошо в вогоне были представлены мне все удовольствия Но еще последнее простите несчастный ваш отец и муж

Иван Андреевич Бич Таежный 30/IX 19 года».

Копию письма Иулиана Бича, написанного им от 6 июля 1941 года сестре Ульяне Ивановне, — см. в деле. Иулиан, по всем данным, родился в Черчете (1910) (слева на полях страницы красным карандашом Черневский записал: «1909». — Е. С.), так как черчетский житель Миронов Прокопий говорит, что его мать, Миронова Дарья Прокопьевна, была крестной Юлика. (см. кн. 1).

¹ Орфография и пунктуация сохранены.

АНАСТАСИЯ ИВАНОВНА ЗОЛОТУХИНА

(урожденная Зима)

Родилась в 1906 году.

Беседа состоялась в деревне Сполах (д. 119)

24 декабря 1964 года, в пятницу.

А. И. Золотухина: Семья переехала из Белоруссии в 1917 году осенью — в Шегашет, но уже зимой перебралась в Тремино, заняв половину дома вдовы по имени Кистя. В другой половине уже жила семья Бича, но это я помню не точно, возможно, они поселились там позже, во всяком случае, в начале партизанского движения они жили в одном доме с нами. Квартиры наши были разделены середюшкой — сенками. «

Кистя — это Феокиста Васильевна Каверзина, по мужу Кулакова, жена Кулакова Исака Васильевича. Он и купил дом у Гущина, а потом был призван в солдаты и погиб в германской. Вот как!

Наша семья состояла:

отец — Зима Иван Павлович,

мать — Евгения Евментовна (Евменовна),

дети:

Петр — самый старший, 1899 г.р.,

Пимен — второй,

за ним (? — Е. С.), лет 17-ти (сейчас ему 62 года живет в Шиткино по ул. Партизанской, 75).

Анастасия, 1906 г.р., маленькая, темно-русая (Черневский: «Рассказчица». — Е. С.),

Николай — 1915 г. р. (нет, лет пяти-шести),

Нюша (Аннушка) — лет трех.

Семья Бича (самого его плохо помню, он дома почти не жил).

Жена — Марфа (Черневский: «Алексеевна». — Е. С.), полячка, здоровенная, крупная, рослая, темно-русая — не черная и не белая. Хорошая, веселая. Помнится серая юбка и клетчатая кофта.

Дети. Кажется, их было семь, но я помню только четырех: Аскольда, Раю, Лизу и Таню. Рая, мне кажется, самая старшая.

А. Ю. Черневский: А еще мальчик Юлик, или Ульян, был?

А. И. Золотухина: Нет, был только один, и мать, т.е. жена Бича Марфа, всегда называла его Аскольд. Веру я совсем не знаю. (Черневский: «Довыяснить! Кого же рассказчица и другие называют Раей — Ираиду или Веру? Уточнить, добиться! И про Маньку, и про Аскольда — тоже!». — Е. С.).

Описание квартиры Бича. Кстати, дом стоял по левую сторону Тремино, если идти с Шиткиной, торцом на улицу, другой половиной в глубь ограды. Наша семья жила в той половине, что выходит на улицу, а Бича — в огород.

При входе в их половину налево в углу нары, прибитые на козлах и к стене досками. На них тряпье, здесь спали дети. А была ли еще койка, не помню, но,

кажется, не было. Вдоль стен лавки-скамейки, пришитые наглухо, широкие, так что на них тоже можно спать взрослому. Направо — русская печь, на ней тоже спали — или дети или Марфа. Посредине висела люлька, т.е. зыбка на шести, на очипе¹, или на жердке. В переднем углу стол под образами! Пол голый, без подстилок. Семья Бича жила очень бедно! Хозяйство (что помню): корова, большой черный баран (он еще однажды поломал нашему поросенку ребра).

Соседи: по одну сторону Гуцин Иван Федорович, новосел из Орловской губернии, сапожник. Сначала жил в Черенгачете², как и Золотухин Дмитрий, мой муж. По другую сторону Батов, старожил.

Однажды, весной или летом 1919 года Марфа принесла моей матери Евгении Евментовне сверток, завязанный в тряпицу: «Спрячь и не гляди. Потом возму». Но разве утерпишь. Узелок небольшой, а тяжелый. Когда Марфа ушла, мать развернула. А там — красивое платье, переливается, шелковое или атласное, толстое зеркало квадратное, серьги и кольцо. Мать спрятала их ночью под солому, около гумна, а солома-то с гнилью...

Перед первым наступлением чехов или перед походом румын, а скорее всего перед румынами, кто прибежал к нам и сказал отцу: «Скорее вывозите семью Бича в Пойму, чехи (румыны) наступают!». (Черневский: «Раз в Пойму, скорее всего, не от чехов, а от румын. При чехах туда незачем, было сплошное бегство партизан, и чехи дошли до Шелаевой, а при наступлении румын перед пленением Бича в Пойме стояли отряды Кривоуццкого и были окопы. Румыны до Поймы не дошли». — Е. С.).

Отец Иван Павлович запряг подводу и отвез. Когда возвращался, погода была хмурая, дождь, а в деревне уже чехи (или румыны). Вдруг является один из них: «Здесь Зима?». «Иван, подымайся, тебя зовут», — говорит мать. «Ты комиссара возил?» — «Какого комиссара, никого не знаю». — «А кого же ты возил?» — «Женщину с детишками».

Тут же избили плетьюми и повели в штаб, разместившийся по тракту в конце деревни налево (???) в доме известного кулака Гурьяна или Гурьянова, но не Николая. Николай и Никита — это его братья, что жили напротив, по правую сторону при въезде (Черневский: «Очевидно, речь идет о К.Н.Г. — кулаке-предателе, расстрелянном судом военно-революционного трибунала в деревне Кондратьевой, и его братьях». — Е. С.).

Потом привели туда и мать. Но ее прошиб понос, она попросилась на двор, повел охранник, она за сарай — и скрылась, конвоир поискал и не нашел. Отца потом отпустили.

Когда увозили семью Бича в Пойму, очень спешили, а Рая была у старухи Ратничихи, но не знали и ее оставили.

¹ Очип — специальная жердь для крепления люльки (колыбель, зыбка) в доме.

² Черенгачет, поселенческий участок (деревня Новопокровская), основан в 1907 г. По данным на 1917 г., 76 хозяйств, 443 жителя-переселенца (243 муж. и 22 жен. пола).

Мы сидели у Ратничихи, когда везли пленного Бича на ходку³. Голова опущена, рука перевязана — в палке (шина), кажется, правая, а не левая. «Ой, это папа мой!» — закричала Рая, увидев со двора. «Спрячься, не показывайся», — сказала ей Ратничиха. Но Рая не успокоилась, на другой день утром пришлось ее отвести к отцу. А он сидел в ограде на чурке, во дворе дома, где остановился штаб в этот раз. Это дома через два от Ратничихи к шиткинскому краю, но уже не у Гурьяновых. Иван Андреевич обнял дочь здоровой рукой, крепко-крепко прижал и слезы на глазах.

Румыны въехали в Тремино под вечер, а уехали утром.

Отдельные эпизоды и замечания

- Когда расстреливали Николая Гурьяновича Кулакова, приезжала его жена, плакала. Сначала стреляли поверху, пугнули, а потом взаправду. На суд или следствие вызывали Зиму Ивана Павловича, моего отца.

- Сожительница Басурманина Мутовина Клавдия жила вместе с сыном Федором и его женой Соней, маленькой бабенкой, а не в доме мужа брата Ермилы Трофимовича Мутовина, как говорил вам Илья Каверзин. Ее арестовали кулаки Егор Николаевич Кулаков, Николай Гурьянович, его отец, Пакля и Зиновий Васильевич Кононовский (Каверзин), все здоровые, и направили в Шиткину в штаб — на телеге под охраной мужичонка Гаврилы по кличке Короткий, с берданой, на его же лошаденке. Это по приказу кулака Пакли, с предварительным письмом.

Приехал Басурманин и велел догнать и вернуть. Послали бедняка Пахома Каверзина, который догнал Гаврилу на Пишуке, но Гаврила не подчинился.

«Чтоб через час Клавдия была дома!» — приказал Басурманин. Тогда Пакля сам запряг своего выездного коня по кличке Коптелка в ходок на медных литых втулках, поехал вдогонку и привез ее.

Басурманин арестовал Паклю, Кочергина Алексея и Петра Андреевича и повез их, но у старицы, у ельника Пакля убежал. Тогда ему наложили контрибуцию 10 000 рублей.

- В Треминой жил поляк из политссыльных, перебравшийся сюда с Черганчета, Худзик Ипполит Васильевич, женатый на треминской крестьянке Надежде Поликарповской (Черневский: «Надежде Поликарповне Каверзиной или Мутовиной». — Е. С.). Ее, кажется, ухлопали в кулацком восстании в 1930 году на стороне банды. Но это не точно.

- Мой брат Зима Пимен Иванович, 1902 г.р., живет в Шиткиной.

- Мать вернула Марфе сверток. Рассказывали, что его дали ей партизаны из гвардии Бича, убившие какую-то жену офицера с ребенком.

(Черневский: «Мамаев Александр Андреевич 29 декабря 1964 года по этому поводу рассказывал, что, еще когда отряды стояли в Бирюсе и Конторке, были арестованы и содержались в штабе в Нижней Заимке, а потом в Шиткино, бирюсинцы кожевник Алферов, Николай Николаевич Москвитин, отец белого офицера Ивана Николаевича Москвитина (подъесаула), его сноха, т.е.

³ Легкий, небольшой конный экипаж с плетеным кузовом.

жена офицера Дора (?), а также жена бывшего бирюсинского учителя белого офицера (капитана) Дьячкова Степана Степановича Татьяна Ивановна с сыном лет семи-восьми. Ее фамилия была не Дьячкова, а Жигульская.

После отступления от Бирюсы их вместе с другими заложниками везли из Шиткиной в Шелаево братья Троезубовы и в пути самочинно расстреляли и ограбили Татьяну Ивановну и ее ребенка, причем инициатором был и отличился Троезубов Самуил. Они расстреляли ее у моста по тракту между Тремино и Поймой.

Когда первый раз наступали румыны (а не чехи), Дьячков Степан Степанович ехал с ними в качестве командира. Случилось так, что на том же самом мосту конь его оступися, упал, и капитан сломал ногу. Очевидно, он знал от кого-то о месте гибели жены и задумался, запереживал. Он, так же как и она, был высок, здоров, красив. Вещи, оказавшиеся у Марфы, скорее всего Жигульской. Остальных в Шелаево под напором крестьян освободили». — Е. С.)

ПИМЕН ИВАНОВИЧ ЗИМА

**Родился в 1902 году,
живет в Шиткино (ул. Партизанская, 75).
Беседа состоялась 17 января 1965 года.**

Приехали в Тремино в 1918 году в Михайлов день¹ (значит, 8 (21) ноября, 6 (19) сентября). Семья Бича жила уже доме, где мы поселились. Он принадлежал когда-то Гущину Ивану Федоровичу, но тот построил рядом новый дом, а свой продал Кисте — дочери старожилы Василия Евсеевича Каверзина. Мужа убили в германскую войну, она вышла замуж в Шелаево и уехала, а квартирные дела передоверила Пакле (Кулакову) Михаилу Васильевичу, который жил с ней, когда она была солдаткой. «

Дом был со сквозными сенями (а середушка — это когда сени, или связь, теплые, не сквозные). Бич учил детей в половине дома Павла Привалихина или Каверзина. За дом и детей платило общество. (Черневский: «По другим данным, Бич учил детей сначала в половине дома, которую потом занял Зима, т.е. в половине дома, где жил. Старший брат рассказчика Петр Иванович учился в Петрограде, но приехал на побывку и был с ними. Бич с ним часто о чем-то совещался». — Е. С.)

Наш отец увозил Бича, а не его семью. Семья жила у нас до послета (Черневский: «Так ли?». — Е. С.). Это было при чехах. Когда они стояли в Бузыканово, Бич собрал сходку: «Я уезжаю. Если кто выдаст семью, вернусь, расстреляю».

Отец отвез Бича до Поймы. Вернулся в дождь, отпряг лошадей и забрался на полати².

«Где Зима?» — слышится с улицы. «Иван, слезай», — будит мать.

«Ты Бича увозил?» — спрашивают в окошко. — «Какого Бича?». — «Таежного?». — «Никого я не отвозил». — «Выходи».

Отец вышел в белой рубашке. Плеть. Другой чех прикладом по санкам (по челюсти). Прицепились к жене Бича. А та стала хитрить, ругать, поносить мужа и большевиков. Чехи еще конфет ей для детей надавали.

Собрали сход. На обратном пути снова сход. «Кто вернется из партизан — хватайте и к нам в Бузыканово». Вот кулаки и схватили Клавдию.

Однажды, это уже потом, но, кажется, еще при чехах, а возможно, при румынах, с того берега двое партизан кричат: «Давай лодку!». Чехи послали бабу

¹ День народного календаря славян, православные славяне отмечают 8 (21) ноября, славяне-католики — 29 сентября. Название дня происходит от имени Архангела Михаила. Михайлов день — веселый и сытный праздник, поскольку хлеба пока много, да и работы основные закончены. Во многих славянских традициях день связывался с началом зимы, завершение свадеб.

² Полати — широкие нары для спанья, устраиваемые в избах под потолком между печью и противоположной стеной.

Агафью Ермилиху (так звали ее по мужу Ермилу) на лодке и строго предупредили — молчать. Та и переплывала.

Их повесили на двух березах у еланца³ на западном конце деревни. Это были, кажется, один Шишкин (шемякинский) и один тайшетский. В тряпице валяется кусок старого мяса. Кулак Николай Гурьянович Кулаков тросточкой ковыряет: «Ишь, подлец, украл где-то». А человек висит...

Седой старик, лет девяносто, Каверзин Левидор Евсеевич, с чистыми седыми бровями, стал на колени и молится: «Господи, когда твоя кара минет нас...»

На казнь сгоняли всю деревню.

А еще до партизанщины был такой случай: сбежали от Колчака с винтовками двое треминских: один новосел Зайцев Дмитрий Васильевич, а второй старожил Степан Дмитриевич (?). Кулаки собрали сходку и устроили самосуд — это было в судном доме. Били ногами, поленьями и убили новосела насмерть. Отец унес его на плече мертвого.

Били особенно ревностно Кулаков Егор Николаевич, Каверзин Зиновий Васильевич (Кононовский), Каверзин Михаил Иванович (по-уличному Тихоновский) — этот совсем еще молодой, пришел с германского плена. Старожила оставили.

Отдельные эпизоды и замечания

- Поскотина в Тремино была верст на десять, до самого Пишука⁴. На каждого бойца (т.е. на муж. душу) давалось... городьбы. Нам приходилось городить километра два, а Никите Николаевичу Кулакову (гурьяновскому), кулаку, всего...

- Треминский Каверзин Семен Васильевич расстрелян в банде.

- От треминских кулаках ходила плохая слава: грабили на большой дороге, богатели. Один, когда женщина из Бузыккановой наткала ему холст и привезла, уплатил ей, вызвался сам отвезти домой, а по дороге убил и забрал деньги. За трубку и то убивали.

- Дом Бича был на шелаевском краю, называемом Ознобиловкой (не по главной улице), третий по счету с того края.

- 1) Семен Фокеевич (прозвище Пирожок),

- 2) Батов,

- 3) Бич — Зима,

- 4) Алексей Александрович Брюханов,

- 5) Вавила Николаевич Кулаков (этот и сейчас жив, в Тайшете, за линией на Рабоче-Крестьянской или Пролетарской улице. О нем много говорил и Каверзин Илья Васильевич).

³ От бурятских слов *елга ганса*, *елга (жалга)* — ложбина, лог. падь. *Ганса* — «только один» (или один), т.е. здесь «одни пади». Местность представляет собой впадину, в которой с четырех сторон соединяются пади и долины:

⁴ Хутор, основан в 1912 г., по данным на 1926 г., 7 хозяйств, 37 жителей (20 муж. и 17 жен. пола).

ДОМНА ЕФИМОВНА СУЧКОВА

(урожденная Бурнашова)

**77 лет, старожил деревни Енисейка,
ныне проживает в деревне Сполох,
где 24 декабря 1964 года и состоялась беседа.**

Я лично хорошо знала Бича и его семью, т.к. они жили у нас, и потом я встречала Ивана Андреевича в 1919 году. Вот как все это было. «

В 1915 году Бич год жил в Енисейке и лично у нас, но не в доме моего отца Бурнашова Ефима, а у нас с мужем Сучковым Митрофаном Степановичем, который еще не был взят в солдаты. Семья же Бича оставалась в Еловой. Муж мой в это время был старостой.

Потом Бич снял другую квартиру — у Сучкова Василия Ивановича и перевез семью. Это уже в 1916 году. Он завел хозяйство, сам сеял рожь левой рукой, т.к. правая у него была повреждена, как он говорил, еще в 1905 году. Но семена разбрасывал ловко — зернышко к зернышку. Работал у нас писарем. Бывало, ночь сидит за книгами, что-то пишет, чтобы заработать копейку. Был он очень справедливый человек. Уже тогда вел беседу с крестьянами против царя, но не откровенно и не со всеми, а осторожно. «Чего не спишь?» «Зуб болит».

К нему приходили Сучков Анисим Фролович, Савва Миронович Сучков и другие. Бывало хоть шепотком, а песни поют. Да и он, когда один ночь сидит, тоже шепотком напевает что-нибудь.

Когда третий раз брали мост (?), Бич приехал в Енисейку на санях с чунарями, человек десять, все такие здоровые, в избе пригибаются — и прямо к нам: «Кума, дай нам по стакану чаю!». Своих коней они оставили у нас, а с ними поехали брать мост енисейские на своих подводах: Сучков Тихон Ферафонович, Сучков Митрофан Степанович (мой отец), Сучков Николай Нефедович, Москвитин Егор, Бурнашов Самсон и др. (Черневский: «Рассказчица страшно путает, говорит, что с моста, когда разоружали охрану, все, в т.ч. Бич и его ребята, опять вернулись в Енисейку и уехали на своих конях, а пленных не видела. Кроме того, общеизвестный документальный факт разоружения охраны моста 18 марта 1919 года, т.е. на второй-третий день восстания, она относит ко времени после сожжения Бирюсы и Конторки, хотя подчеркивает, что дело было зимой». — Е. С.). Коней оставили у линии, не доезжая, и шли пешком...

После отступления от Бирюсы наши партизаны, двенадцать человек, прятались на пашне и в тайге, среди них Савва Миронович Сучков.

Мой брат Бурнашов Алексей Ефимович тоже прятался, когда еще фронт не отступал, а потом с фронтом ушел в Шиткину. Но когда наступали красные, а белые уходили, он опять приезжал. Те, что скрывались, звали его в Еловую — там проходила Красная армия, но он сказал: «Нет, с кем начал, с

теми и кончать буду», и ушел к своим и с ними присоединился к Красной армии и пешком дошел до Иркутска, а там заболел и умер.

Значит, Бурнашов Алексей Ефимович у Бурлова не был!

Тогда же приезжала Марфа (Алексеевна) Бич на подводе, привезла большой сундук и оставила его у нас, а сама вернулась за детьми и увезла их в Канск. Потом за вещами приехали старшие Вера и Юрик, но я им отдала только белье, а золото нет (там был еще браслет). Позже отдала его Марфе. Но красивого шелкового платья не помню, не было.

ФЕДОС (ФЕДОР) ЯКИМОВИЧ ЛАРЧЕНКО

Родился в 1903 году, переселенец из Могилевской губернии, бывший житель Черчета и хутора Каен, где сейчас и проживает. Беседа состоялась 23 января 1965 года в Суетихе.

Я хорошо помню Бича, и кое-что из момента, когда его взяли в плен.

Я родился 4 января 1903 года по старому стилю, а когда мы приехали в Черчет, мне было всего три недели. Семья: отец Яким, мать Лукерья Демьяновна, старший брат Кирилл. А в 1918 году у нас было уже три брата и пять девок. Еще по льду перед весной 1918 года мы перевезли худобу¹ на правый берег Бирюсы за большой остров Чистый на участок Каен², где была Треминская дача (казенные лесные угодья, отведенные для переселенцев).

Великим постом совсем оставили Черчет и поселились в Каене. Вместе с нами сюда переселились из Черчета и Пимен Логинович Кудрявцев (старший брат партизана Никиты Логиновича) с семьей (жена Алена, куча малых детей). Эти два хозяйства и образовали хутор Каен. Там мы пережили и все «перевороты» и партизанщину. Когда фронт стоял в Бирюсе и Конторке, в Бирюсинском отряде был и мой старший брат Ларченко Кирилл, но по мобилизации.

При отступлении фронта к нам подогнали какие-то партизаны плот с имуществом, где была даже мебель: «Берите, если вам надо». Но мы взяли только большой шкаф.

Черчетские партизаны, все без исключения, после отступления от Тайшета дальше не пошли и осели дома, прятались на пашнях и островах. Мой брат Кирилл тоже остался дома на Каене. Мы и Пимен Кудрявцев для отступающих партизан каждый день ставили по две квашни (всего четыре в день) и пекли хлеб.

У нас в Каене остался и скрывался также Никита Логинович Кудрявцев, партизан Броневик, средний брат Пимена (их вообще было четыре или пять братьев: Пимен, Никита, Парфен и Семен Логиновичи; последний, самый младший, и сейчас живет в Черчете). Отец их, Логин, был еще жив, но он жил не в Каене, а в Черчете. Логин средний брат Семену Логиновичу Кудрявцеву, который, таким образом, доводился средним дядей Семену, Парфену, Никите и Пимену Логиновичу. Никита — Броневик скрывался у Пимена вместе со своим конем.

У нас на ключике были поставлены колья-берды³ острые. Как-то летом или осенью, когда я рыбачил на удочку, нам забрели партизан Дмитрий

¹ Крупный рогатый скот.

² Поселок Каен основан в 1918 г., по данным на 1926 г., 17 хозяйств, 121 житель.

³ Если речка неглубока, то перегораживают ее по льду в ширину кольями вроде городьбы, а между кольями укрепляют до дна бёрды, щиты, плетенные из прутьев, и при этом оставляют полые места, куда и ставятся морды (иначе корчага), устьями вниз по течению реки (Байкальские рыболовные снасти // magicbaikal.ru).

Критинин и с ним еще один. Дмитрий, переходя ключик, оступился и напоролся пахом на колья. В кровь изодрал мошонку, распухла. Мы его перевязали.

На острове Чистом, что напротив нас, скрывались в покос партизаны Тихон Марченко, Лесюк Андрей Иванович и его отец старик Иван Адамович, Казакевич Владимир (Дункач) и др. Косили себе сено. Вдруг наскочила румынская кавалерия. Они все вплавь и на лодках — на нашу сторону. Кавалерия погонялась по острову, а на тот берег не пошла.

Это было еще до пленения Бича. На острове были табуны лошадей, люди метали сено. Значит, август! Первое наступление румын. А Бича пленили в жниво — конец августа, начало сентября. Это второе наступление румын, после покоса (после покоса сперва жнут рожь, потом ячмень, потом пшеницу, потом уже овес).

Зубарева хутора не было. Они жили в Черчете, только ходили на свою пашню. А у Чемоданова Афиногена был хутор недалеко от Яна Пепула. Зубаревы на пашне жили у Савелия Кудреватого.

Бича, насколько я знаю, взяли так: его дозорные разбежались. Дом Семена Леоновича Кудрявцева (балаболки) был без окон и дверей, завешан постилаками, половиками. Самого Семена дома не было, хозяйка, жена Семена, Татьяна Михайловна, и детишки были дома. Татьяна первая учуяла, что кони топают, отворотила постилаху и назад — румыны! Бич тоже откинул рядно⁴ — и стрелять из нагана, а сам бежать в хлеба. Он никого не убил и не ранил, но его подстрелили, ранили.

Мы услышали выстрелы. Я и Никита Кудрявцев переплыли матеру⁵ и протоку и пошли к месту боя. Видим, будто баба шевелится — Зубариха Адарья лен тягает, дергает, но никого уже не было.

Отдельные эпизоды и замечания

• Когда мы переселились на Каен, треминские кулаки на Петров день в 1918 году велели нам явиться в Тремино, но люди предупредили: не ходите, вас кулаки хотят бить. И мы не пошли, это они за то, что мы заняли их дачу (участок был казенный), они самовольно пользовались им).

• Румын водил еще треминский кулак Василий Василий Каверзин, в частности когда взяли в плен Бича. Когда Бича отбили, — он и черчетский Мазуренко.

• Родня Радкевичей была большая. Был уже пожилой Радкевич Иннокентий... у которого уже тогда в 1919 году было два сына: Иван, 1913 г.р., и Иосиф.

¹ Рядно — грубая ткань, мешковина.

² Матёра — линия наибольших скоростей течения в реке.

НИНА МАКСИМОВНА ЧЕРНЕНКО

(урожденная Белоусова)

Родилась в 1906 году.

А. Ю. Черневский: Н. М. Черненко рассказала, что она хорошо знает и помнит семью Бича, которая жила до 1918 года в Конторке в доме Федосеева Гаврилы, который достался ему от тестя, Мутовина Ивана Васильевича, — Гаврила Федосеев женился на его дочери Александре Ивановне. «

«Этот дом стоял рядом с нашим домом, т.е. с домом моего отца Белоусова Максима Захаровича, и поэтому я это хорошо знаю. Я играла с детьми Бича, из которых мне запомнились старшая Вера и мальчик Ваня, Иван», — говорит Н. М. Черненко. (Черневский: «Юлика, или Юлиана, она не знает, уверяет, что все называли его в доме Ваней». — *Е. С.*)

Бич был крепкий, рослый, во всяком случае, крупный, а его жена небольшая, щуплая.

Рассказчица уже в советские годы вышла замуж за конторского Ивана Федоровича Черненко — сына партизана Федора Черненко. Ее муж, 1909 г.р., умер в 1953 году.

ИОСИФ МИХАЙЛОВИЧ ТЕРЕНТЬЕВ

Родился в 1893 году, крестьянин деревни Камышлеевка, из псковских переселенцев (1908 г.), бывший партизан.

**Беседа состоялась 9 июня 1965 года
в доме рассказчика по ул. Горького, 58 в поселке Суетиha.**

» Бич И.А. приезжал в Камышлеевку, и неоднократно! Первый раз провел собрание в чьем-то доме и запись добровольцев.

Тогда первыми добровольцами в партизаны пошли:

Мыльченко Петр (Мыльничек),

Аксенов Михаил Гаврилович (Гаврилик?),

3) Тимофей Николаевич (по-уличному Николаиник — Николаёнок),

4) Яков Данилович (Далиник — Данилёнок),

Исаков Иван Потапович (он и его родной брат не вернулись с врангелевского фронта).

Второй раз, когда еще не было снега (???), он же, Бич, приезжал проводить мобилизацию и мобилизовал меня и Иванова Якова.

Но еще до мобилизации я участвовал в обозе. От нас потребовали в Конторку пять подвод. Поехали (на санях зимой):

я,

Макаров Матвей (Матюнька), старик,

Иванов Кузьма, его зятек,

Карпов Николай, уже пожилой был,

Тихонов Тарас, молодой парнишка.

Туда через Еловский переезд (там не было ни будки, ни другого строения) проехали благополучно. А через три дня после постоя — обратно. Приехали в Еловое к старосте, который сообщил, что на переезде спокойно, дал провожатого. Ехали на санях в таком порядке: Марков, Иванов, Карпов, Тихонов и последним я. Была пурга — ничего не видать. Подъезжаем к переезду — тихо. Первые две подводы уже въехали в тумбу между столбиками, как вдруг стрельба и засверкали огни. Это стреляли из броневика, который все время курсировал от Тайшета до Точилки¹ и Урало-Ключей.

Марков и Иванов развернуться не могли. Я развернулся — и назад, первым. Тихонов стал разворачиваться и вывалился, Карпов, хоть и был ранен, тоже развернулся и погнался. А Иванов, который не мог развернуться, бросил лошадь свою — и бежать за ним сзади, на полдороге догнал. Конь и подвода Тихонова едет с нами. Остались на переезде убитые лошади (Черневский: «Чьи — Маркова и Иванова?». — Е. С.), старик Марков и паренек Тихонов Тарас.

¹ Разъезд Точильный с 1894 г., по данным на 1926 год, 7 хозяйств, 35 жителей (20 муж. и 15 жен).

Приехали в Еловое, немного обогрелись и в сопровождении двух лыжников снова поехали обратно через Еловский переезд. Пурга немного стихла, мы даже сняли с убитых коней хомуты. Никого нет. Так благополучно добрались до дома. В Туманшете Карпов умер (в больнице, но хоронили дома). А дед Матюнька Марков и хлопец Тараска Тихонов просидели в Тайшете у чехов три дня, и их отпустили: первого по старости, а второго по малолетству. Постоянного поста у чехов на Еловском переезде не было.

Позже, когда меня Бич мобилизовал, я был в Конторке конюхом, присматривал за тремя лошадьми, среди которых одна, серой масти в яблоках кобылица, принадлежала Бичу. После майского налета Бич уже именовал себя Таежный.

В ночь под тот день, когда началось наступление, Бич с отрядом ходил на лыжах или пешком на Еловский переезд для подрыва броневика. Когда в Бирюсе появились белые и стали жечь ее, меня послали в Еловую узнать, где Бич, и предупредить. Мне сказали, что он на переезде. Я только выехал из Еловой, въехал в ельник — и Бич идет со своими ребятами. Рассказал, в чем дело (я был на его коне). «Скачи, пусть готовятся, я приду». (Черневский: «Тут собеседник что-то путает и несерьезно говорит». — Е. С.).

Беседа 15 июня 1966 года

В изложении А. Ю. Черневского

И. М. Терентьев, пересказав все сначала, дал точно те же сведения во всех деталях, что дает основание полагать — рассказчик действительно был в этом деле. Он подчеркнул, что, кроме камышлеевских, с ними никого не было. Но уточнил, что в первый раз староста еловский провожатого не дал, уверив, что на переезде все спокойно, а второй раз дал двух лыжников, которые шли впереди. На тумбе убило лошадей деда Матвея Маркова и Кузьмы Иванова. Когда начался обстрел, кони, будто чуяли, сами стали разворачиваться: «Я как лежал в санях и не помню, как повернул». Старик Марков сказал Тараске: «Ежели загребут нас, говори, что все были в гостях в Кочергиной заимке у дяди Егора». Поэтому их и отпустили из Тайшета.

«Чехи и румыны не раз приезжали к нам в Камышлеевку. Меня однажды даже забрали в обоз до Тропы² (через Еланку), а оттуда — других», — вспоминал Иосиф Михайлович.

² Переселенческий участок Тропа (деревня Преображенка), основан в 1908 году. По данным на 1917 год, 31 хозяйство, 220 жителей (122 муж. и 98 жен. пола).

АГРИППИНА СЕРГЕЕВНА ЛАТЫШЕВА

(урожденная Нехорошкова)

Родилась в 1900 году,

**бывшая жительница деревни Николаевка (станция Байроновка),
ныне проживает в поселке Суетиha (ул. Б. Хмельницкого, 30, кв.2).**

Беседа состоялась 9 июня 1965 года.

» Наша семья переселилась — еще в 1907 или в 1908 году — из Вятской губернии, Иранского уезда, деревни Иркутак, в Томскую губернию на станцию Тяжин, где уже обосновались переселившиеся ранее нас вятские, но из Котельнического уезда, Вепревы. Наша семья была большая: Нехорошков Сергей Павлович, отец, Елена Егоровна, мать, Михаил Сергеевич, старший брат со своей семьей (его сын Андрей — партизан), второй брат, сестра и я.

Семья Вепрева Родиона:

Василий (кажется, Ильич) — не очень старый, но больной, отец Родиона. Когда мы приехали, он уже умирал и умер в баньке в Томской губернии на станции Тяжин.

... Матвеевна — мать Родиона.

Семен Васильевич — старший брат Родиона (Черневский: «Живет сейчас в Тайшете, страшный богомолец, старше рассказчицы». — Е. С.).

Родион, самый младший.

Тимофей Васильевич — самый старший.

Григорий Васильевич — за ним (перед Семеном).

Акулина Васильевна — сестра, следующая за Григорием (Черневский: «По мужу Сенникова, живет в Тайшете». — Е. С.).

Евдокия Васильевна — за ней (а после них Родион).

В Тайшете живет двоюродная сестра Игнатия и Родиона — Анна Яковлевна Кутявина (Вепрева), старше меня.

Семья Вепрева Игнатия:

Вепрев Михаил Ильич — отец, очень ленивый, лодырь.

Вепрева Аксинья — мать, забитая, темная женщина, не умела ни сготовить, ни постирать, а тем паче погладить (когда Игнатий стал парнем, любил одеться, я все ему стирала и гладила).

Сыновья: Иван, Петр, Игнатий, мой сверстник, или на год-два моложе, Александр.

Жили они очень бедно.

Наша семья, перезимовав одну зиму, перебралась в деревню Аверьяновку той же Томской губернии, а все Вепревы вскоре уехали на лучшие земли в Иркутскую губернию, в деревню Николаевку Тайшетской волости, Нижнеудинского уезда (пожалуй, тогда еще в Алзатайской волости). Еще через две зимы, в 1910 году осенью, переехали туда и мы.

Вепревы уже обжились. Вернее говоря, к тому времени в Николаевке был только один дом, полностью отстроенный, — Семена Васильевича Вепрева.

А глава третьей семьи Вепревых-старших — Яков Ильич Вепрев (брат Василия и Михаила Ильичей), только еще начал строиться, и мой отец и братья стали ему помогать. Мы приехали в Покров, а жить негде, «ходи под сосну»...

Тайшет тогда был деревней, на станции еще бараки, но церковь уже была, как и в Байроновке. Поезда ходили еще по старой линии и то только грузовые, а пассажирских не было. Мы выгрузились на станции Тайшет, наняли лошадей — и в Николаевку.

В 1917 году я вышла замуж за Латышева Игнатия (до этого за мной очень ухаживал староакульшетский Бычков Андрей, погибший).

В 1918 году, кажется в сентябре, у нас была мобилизация в Белую армию.

Были мобилизованы:

1. Латышев Игнат, мой муж. Он служил в Нижнеудинске, а потом их в товарняках под замком повезли на Клюквенную¹. Они на станции Байроновка сбросили нам записки. Где-то около Клюквенной мой муж перешел к партизанам и был у Щетинкина, вернулся с Красной армией — привел коня с седлом, его от армии освободили, но в сентябре 1920 года снова взяли — на врангелевский фронт.

2. Злобин Федор.

3. Шилов Егор.

4. Нехорошков Кирсан.

5. Долгов Алексей.

В остальном до самого партизанского движения у нас в Николаевке было спокойно.

К партизанам ушли:

1. Цицилин Владимир (сын жандарма, но жандарм был для людей хорошим человеком).

2. Нехорошков Андрей Михайлович — мой племянник, сын моего брата Михаила Сергеевича.

3. Вепревы Игнатий и Родион. Они, Вепревы, пошли не то в Серафимовский, не то в Гоголевский отряд, но скорее в Акульшетский, т.к. Родион рассказывал, что жил у Бычковых и Бычков Андрей называл его племянником: «Вот если бы Грипа не вышла замуж за другого, был бы ты мне настоящий племянш».

В 1919 году, после того как появились партизаны и дошел слух, что в Байроновке расстреливали каждого десятого, к нам приехали чехи и русские. Посреди деревни много пней, расселись на них. А потом в сборне собрание. Спрашивают у Вепревых и Нехорошкова Михаила Сергеевича: «Где ваши сыновья? Найдите! И без них не возвращайтесь!».

Отправились на поиски: Вепрев Семен Васильевич (брат Родиона), Нехорошков Михаил Сергеевич (отец Андрея), Вепрев Михаил Ильич (отец Игнатия)

¹ Основан в 1760 году (по другим данным, в 1734 году). 1 июля 1934 года Президиум ВЦИК постановил преобразовать селение Уяр (с селением Клюквенное при железнодорожной станции того же имени Томской железной дороги) в рабочий поселок Уяр.

и Макшеев (или Машеев) Иван Иванович. Колчаковский доброволец Макшеев Николай Иванович прибыл на побывку на Пасху в погонах и его захватили и расстреляли серафимовские партизаны, которых у нас называли «кустарники» (Черневский: «Кустарники? Прятались по кустам?». — Е. С.). Говорили, что расстрелял какой-то Шевченко. Но этого не знали ни белые, ни отец Иван Иванович, считавший, что Николай дезертировал.

Они ходили в поисках долго, были в Серафимовке — и везде им ставили на документах отметки, что таких нет. Этого требовали белогвардейские начальники — иметь отметку в документах от старост.

Возвращались из Серафимовки через Тайшет и заночевали у Бычковых, родственников староакульшетских партизан, и как раз в ту ночь партизаны совершили нападение на Тайшет. Потому их всех арестовали, продержали дня три-четыре, пока разобрались, да и то выручил один из трех чехов (Черневский: «Рассказчица называет их австрийцами». — Е. С.), что приезжали в Николаевку, знавший, что их послали на розыск. Мой брат Нехорошков Михаил Сергеевич весь поседел!

Тогда же, т.е. тот приезд, белочехи сказали собравшимся в Николаевке: «Если у вас будет что, мы будем катать яблоки по вашей деревне» — это значит: бомбить.

Крестьян заставили охранять дорогу. Рассылали по два человека по ночам в обход — на восемь верст на запад и на восемь верст на восток (до реки Шелеховка). Однажды наши патрули-самоохрана наткнулись на партизан, которые пытались вблизи деревни ломать путь. Наши все им рассказали, и те ушли, чтобы не подводить крестьян.

Неподалеку от нас мост через реку Байроновку, оттуда ушли как-то чехи, т.е. бросили пост и куда-то скрылись.

О гибели Игнатия Вепрева рассказал, кажется, пробравшийся домой тайком Володька Цицилин.

Но наши все же помогали партизанам. «Если не хотите, чтобы мы вас подвели, то помогайте, — сказали как-то нашим. — Собирайте оружие и боеприпасы и привозите тайком в отряд» (наверное, в Гоголевский или Серафимовский).

Однажды наш житель Кондратьев Владимир (он записался добровольцем в Белую армию, но не пошел) повез в санях оружие и баббит, собранный на железной дороге. Его обстреляли из броневика, но он удрал.

А байроновский Кондратьев Январь Сергеевич, «кустарник», в 1920 году в Красной армии не был, а опять был каким-то начальничком и, узнав, что у меня есть конь и седло, требовал отдать их, но я ему шиш дала. Только ружье отдали, а с седла сняли копец (?) мы сами. Новенькое, хорошее кавалерийское седло было. Он, Кондратьев Январь, кажется, живет сейчас в Алзамае или в Иркутске.

КАРП ЯКОВЛЕВИЧ РУДЮК

**Родился в 1900 году, старожил деревни Авдюшино.
Беседа состоялась 24 июня 1965 года.**

Мой дед Рудюк Давыд с тремя семейными сыновьями — Яковом (мой отец), Иваном и Кондратием — был первопоселенцем Авдюшинского участка. Они приехали как одна семья по первой железке, году в 1897-м (старшему моему брату Михаилу был тогда год, а он старше меня на три-четыре года). И все стали отдельно строиться, кроме моего отца Якова, который купил избу у хозяина авдюшинской заимки Авдюшева Иннокентия Родионовича (Черневский: «См. кн.6, стр. 10». — *Е. С.*), и перенес ее с горы ниже — туда, где теперь деревня Авдюшина. «

С Рудюками приехало еще семь семей, а может быть, восемь. Все они, как и наш дед, из Волынской губернии, приехали весной. Все это я знаю от деда, отца и дядьев.

Вот они семьи, кроме нашей:

Нигрей Сергей с сыном Егором,

Нигрей Игнатий Андреевич, старший сын со своей семьей,

Марчан Карп, отец повешенного Ивана Карповича Марчана, одной семьей,

Марчан Остап Карпович, старший брат Ивана, отдельной семьей,

Канончик Семен, старик-отец с сыном Матвеем, как одна семья (Черневский: «А Канончик Ефим кто такой?». — *Е. С.*),

Каблай Федор, старый солдат, участвовавший еще в турецкой войне, — «турецкий солдат», с сыновьями Григорием, Андреем и Николаем (этот вскоре умер).

Федор-солдат с сыновьями тоже купили избу (Черневский: «Филиппа Сухих или Анисима Нечаева, см. кн. 6». — *Е. С.*). Третью избушку на заимке (она стояла там, где сейчас новая конюшня) купил Гуменный Макар, возможно, что он приехал вместе с нашими.

Года через три приехали, уже из Киевской губернии, Якущенко Фома Сазонович с сыновьями Кириллом и Исааком — построились, но вскоре и погорели. А потом Якущенко Федот Сазонович, Якущенко Андрей Сазонович, Якущенко Бонифатий Сазонович (Сазоны)...

О партизанском 1919 годе

Бельницкого Перфилия я как участника движения не представляю, и ни каких собраний не помню. Знаю, что когда началась партизанщина, Баран Куприян (его отец уже впал в детство, старик) и Ладченко Степан (Фельдфель) готовили патроны, чинили оружие. О Готовом Вартолии знаю только то, что он помогал продуктами и отдал партизанам коня добровольно — каурого, красивого, с лысинкой на лбу (кому достался — не знаю). Ляшенко Семен был дезертиром и попался, никакого участия в партизанском движении не принимал. Крячик Григорий пошел добровольцем. Ему отдал солового коня Исак

Якущенко. Каблай Андрей Федорович отдал хорошего гнедого коня осинниковскому (деревня Осинники¹) партизану Петру Андрейчику, но тот его бросил и прибежал обратно в деревню, так и остался. Давали своих коней Гуменный Макар и другие.

Добровольцами в Бирюсу пошли также Негриенко Федор, Крячик Марк и мой брат Рудюк Михаил Яковлевич, который домой не возвращался, попал в плен и погиб где-то под Шелаевой.

Негриенко Демка делал и поставлял партизанам лыжи, хороший мастер. Нигрей Степан ни дня не был у партизан, все время легально, не прячась жил в Авдюшиной, даже тогда, когда брали других! Канончик Ефим, Марчан Ефим и другие возили продукты партизанам до переезда (трубы), где их встречали лыжники, т.к. там стояло трехдюймовое орудие чехов.

Жену Емельяна Крячика звали Надеждой. Она авдюшинская, но вышла за Емельяна после того, как умер ее первый муж — ингашетский Офицеров Данила Данилович.

У стариков Ляшенко Мефодия и Елены были дети — Семен, Самуил и Федор (живет в Решотах).

¹ Деревня Осинники на реке Бирюса основана в 1911 г., в 1926 г. относилась к Авдюшинскому сельскому Совету (как и пос. Бувальчик на р. Луговке, Лука на р. Бирюса). По данным на этот год, 49 хозяйств, 213 жителей (106 муж. и 107 жен. пола).

АФАНАСИЙ ЕГОРОВИЧ ЗОРИН

Родился в 1893 году,
старожил села Бирюса, где проживает и поныне.
Беседа состоялась 30 июня 1965 года.

В изложении А. Ю. Черневского

А. Е. Зорин А.Е. сообщил, что в 1919 году самостоятельной Зориной заимки не было, а они жили летом на Коноваловской заимке, что стояла за ручьем Мамаевкой, т.е. там, где теперь подсобное хозяйство ОРСа (отдела рабочего снабжения, Тайшетторга?). Это была самая большая из всех заимок, летом жили и имели свои избы девятнадцать хозяйств. Как деревня! Причем некоторые жили постоянно, даже зимой. В 1918 — 1919 гг. там были пашни: Москвитина Николая Николаевича, Москвитина Федора Егоровича, Москвитина Арсентия и его трех братьев, Зорина Егора Осиповича с женой, сыном и невесткой, Слепокурова, отца погибшего партизана Антона Слепокурова, и др. «

Москвитина (урожденная Мамаева) Татьяна Степановна говорит, что в 1919 году на этой заимке после сожжения Бирюсы, вернее после бомбежки, жило девятнадцать семей Москвитиных и Мамаевых. Это одна из старейших заимок — основал Конон Мамаев, а по Мамаевым и ручей стал называться Мамаевкой. Жили здесь также Москвитин Никита, Кулаков Наум Федорович (см. воспоминания Москвитиной — Мамаевой Татьяны Степановны, кн. 6).

Но Зорины еще в 1918 году убралась с этой заимки, переселились и поставили большой дом в Бирюсе, который в 1919 году сгорел, а сами они после бомбежки уехали в Борисово. Там получили землю и сеяли в 1919 году, а после сожжения вернулись на Коноваловскую заимку, и уже при советской власти поставили свою Зоринскую заимку у восточного переезда по бирюсинскую сторону линии железной дороги. До этого заимок на той стороне железной дороги не было, а все по южную сторону, в междуречье Бирюсы и Тайшетки.

Заимок бирюсинцев было всего 36, а не 30, как говорит Мамаева — Москвитина Татьяна Степановна, а в Бирюсе в 1919 году было 360 дворов! Дома были хорошие, но густо стояли, и поэтому пожар был сильный, огонь-пламя видать на 35 верст! У купца Мамаева лавка была в нижнем этаже, а не отдельно, дом продолговатый в одиннадцать комнат! Во время пожара сгорел и общественный амбар с хлебом, и школа.

Бирюсинская поскотина проходила по горе за кладбищем до самой железной дороги, к трубе, и здесь, у трубы, были тоже ворота и избушка приворотника (сторожа), а от линии она отворачивала к болоту. Приворотнику общество платило 25 рублей, но только летом. Зимой их не держали, и ворота поскотины были открыты. От тракта у поскотины шла пашенная дорога, которая вскоре разветвлялась: на Бирюсинский переезд — влево и на трубу — вправо. Оба эти ответвления вели на заимку.

Расположение заимок за Бирюсинским переездом

1. Прямо налево, по направлению к Тайшетке, где шла проселочная, или пашенная, дорога, первой стояла Шабалина заимка, или Никоновская, или Анциферова (а все же?): Горемыкина Никона, Шабалина Зиновия, Анциферова Ивана — три хозяйства, три избы.

2. За ними, еще ближе к Тайшетке, Москвитина заимка, или Карпеевская: Москвитин Корпей Демидович (это не отец, а дядя партизана Исаака Карпеевича, оба брата — дядя и отец Исаака — звались Корпеями), Попов Григорий, Москвитин Моисей Васильевич.

3. За вторым переездом (Восточный) Патрина заимка, она же Туракова, — партизана Андрея Патрина. Одна изба. Степан (Москвитин?) «целовальник» в Бирюсе.

4. За ними, ближе к Тайшетке, Туракова Артемия заимка: Тураков Артемий, Железняков Кирилл — старик, Стасенко и Устинов.

5. Около Тайшетки, недалеко от тракта Пахорукова заимка: Пахоруков Василий, Пахоруков Сергей — братья, но хозяйство отдельно, Пахоруков Дмитрий — их родня, Шипин Михей, младший брат Корнея.

6. Вверх по Тайшетке — Агеевская (от Агея Федосеевича Григорьева): Григорьев Степан Агеевич, старший брат, Григорьев Андрей Агеевич, Григорьев Григорий Агеевич, младший брат, Мамаев Алексей Григорьевич (николаевский), Белоусов Андрей, Горемыкин Влас, Москвитин Алексей Филимонович, Бурнашиха и др. — всего девять-десять хозяйств и изб.

7. Еще выше — Амеляновская: братья Москвитины Павел Васильевич и Иван Васильевич, Москвитин Петр — их однофамилец.

8. За ней — Кузьмининская: Мамаев Федор Китович (Титович), Мамаев Михаил Осипович, Мамаев Якима, Мамаев Кузьма Степанович и др. Большая заимка!

9. Выше, ближе к Тайшетке — Горенская: Горенский Павел, Патрин Ефим (однофамилец партизан).

10. Шипина Заимка — Корнея (Федорович?) Шипина (Сафроновка), вора и убийцы, плохого человека. С ним несколько избышек.

11. Федоровская — Горенского Василия и его сына партизана Василия Васильевича — горбатого. Одна изба.

12. По Тайшетске, ближе к Луговскому — Тихоновская (по прадеду): Горенский Илья Алексеевич, Горенский Иван Авдеевич. Две избы.

Опять от Бирюсинского переезда, но не влево по линии, а прямо посреди елани и на юг по дороге:

13. Ротного Александра заимка. Один.

14. Малинникова (или Золотухинская): Малинников Алексей, Шипин Андрей, Золотухин Алексей Осипович (отец партизана). Три избы.

15. Ознобихина: Ознобихин Селиверст Степанович, Ознобихин Михаил Степанович, Ознобихин Степан, их отец, был жив, Трошин Семен. Два хозяйства.

16. Ермаковская, или Троезубовская: Ермаков Андрей (старик-отец с сыновьями), Троезубов Максим Никифорович (старший из братьев-партизан, отца в живых не было). Две избы.

Новое направление — от Бирюсинского (ныне закрытого) переезда по дороге на юг:

17. Коновалов (Сапожников) Василий, Коновалов Александр, Коновалов Федор, Милицин Терентий, Шипин Михаил Федорович.

18. Трубин Никита, Яковлев (Ковалев) Ефим. Два хозяйства.

По этой же дороге от Бирюсинского переезда (ныне закрытого) на юг, но в сторону Софроновки, в Таежке (300 десятин), в четырех вестах от Тайшетки:

19. Тоболинская, Софроновская, или Решетникова заимка: Решетников Павел с сыном Григорием, Софронов (Тоболинский) Яков, Широков Егор Егорович. Три хозяйства.

Опять новое направление, по другой дороге, а именно — по пашенной дороге от трубы. I 20. Критинина заимка. Самая первая, влево от трубы, на горе, т.е. на бугре, как бы отдельно, в стороне от дороги: Критинин Константин, Бузов Илья.

21. Вправо от нее по дороге на Авдюшино заимка Иннокентия Фомича Сухих (партизан). Одна семья, одна изба. Поскотина.

22. Кособалова заимка (тогда уже вдовы Кособалихи), Елагина тут же: Кособалиха (Москвитина Елена Андриановна), Москвитин Иван, Тимпинский Семен. Три избы.

23. Рупосова заимка — Гаврилы и Ксенофонта Рупосовых (братья? нет!). Эта заимка чуть в стороне от дороги и от Кособаловой заимки, но между ней и следующей — Шемчука. Иннокентий Окладников, пасынок Гаврилы Рупосова.

24. Шемчука, или Рогулина заимка — у старой насыпи, где теперь подстанция: Шемчук Кирилл (стрелочник на станции Суети́ха), Рогулин Максим. Эта заимка тоже чуть подальше от Кособаловой, к линии железной дороги (старой или новой?). Две избы.

25. Портнихинская заимка (Калинина заимка) — там, где сейчас конец Суети́хи, по эту, северную сторону оврага (ключика, ручья Мамаевки): Зверев и рядом с ним Харитон Пелагеевич Москвитин, по-уличному Портнихинский, Москвитин Гаврила Александрович, Москвитин Никита Александрович, Москвитин Ларион, Железняков Яков, Калинин Степан Евстигнеевич, Богданов Никита Григорьевич, Кособалиха — Москвитина Елена Андриановна.

26. Кононовская, или Куликовская, по ту сторону ключика, основанная Кононом Москвитиным и его сыном Николаем Кононовичем, — там, где теперь подсобное. Девятнадцать хозяйств.

27. Козловская заимка — слева от Кононовской, у Таежки: Козлов Лев, Козлов Иннокентий. Две избы.

28. Елизаровская, дальше за Козловской, тоже у Таежки: три брата Горенских, Горенский Фокий Андрианович, Марков.

29. Авдюшева заимка, но не в этом ряду, не у Таежки влево от Кононовской, а дальше Кононовской, по пути на деревню Авдюшино, но в стороне от нее, т.е. от дороги, влево между Кононовской и Авдюшиной и между Авдюшиной и Осинником: Авдюшев Иннокентий Родионович, Калинин Яков.

30. Вторая Авдюшева заимка — вправо от дороги, между Кононовской заимкой и деревней Авдюшино: Андрей Родионович Авдюшев.

Таким образом, если ехать по пашенной дороге через трубу от Бирюсы в Авдюшину деревню, то не минуешь следующие заимки: Сухих Иннокентия, а Критинина остается в стороне влево (ее не видать с дороги?), Кособалову заимку, Рупосову заимку («Но ведь она чуть в сторону от дороги, вправо. Видать или не видать ее?». — «Видать! Вправо!»), Портнихинскую, Кононовскую (от Конона Москвитина и его сына Николая Кононовича, а не от Мамаева Конона, как говорит Татьяна Мамаева).

За Кононовской — Авдюшино, а обе Авдюшевы заимки остаются в стороне, Иннокентия — влево, далеко, и ее не видать, а Андрея — вправо, недалеко.

А избушка летняя сполохинского Ермолая Елизарьевича Сидорова? И бирюсинского Петра Давыдовича Москвитина? По рассказам его дочери Татьяны Петровны Москвитиной, по мужу Сучковой, 1904 г.р., их заимка была там (см. «История населенных пунктов», вкладыши на стр. 50 и здесь стр. 36). Была ли Мамаева заимка между Софроновкой и Луговским и Осинником — Авдюшиной? И кто на ней жил? Не было!

И наконец, деревня Сполох, бывшая заимка. Сполохинские пашни доходили до того места, где теперь суетихинское кладбище и кирпичный завод.

31. Горенская заимка — братьев Ильи и Ефима Алексеевичей, наискосок от Рупосовой, у вершины Таежки. (см. 12 — Тихоновская заимка).

32. Еще дальше по Таежке Кулаковская заимка: Кулаков Алексей, Кулаков Михаил, Москвитин Александр, Клементьевы Петр, Егор и др. — всего домов шесть — девять. Она как бы поворачивает к Коноваловской — Сапожниковой заимке, была недалеко от того места, где теперь маяк. У Алексея Кулакова на заимке был табун жеребят и четыре кобылы.

Постоянные заимки: Федоровская, Авдюшева Иннокентия, Кононовская (не все), Коноваловская (Сапожникова), Горенская (Ильи и Егора). Таболинская — Софроновка — Решетникова (полупостоянная).

Коновалов — Сапожников Василий — лучший охотник, ходил до Саян. В пожар жил на своей заимке. К пожару и налету все уже отсеялись. Возможно, оставалось кое у кого просо и, конечно, гречиха, т.к. ее сеяли поздно, боялись мороза и инея. Очередность посева такая: пшеница, овес, ячмень, просо, гречиха. Яровой ржи не сеяли (ярица).

Горенский Фокий Андрианович говорит, что Полежаевская заимка была самостоятельно, и не по эту, а по ту сторону лога, где сейчас подсобное, и рядом с ней там же Малинникова заимка. За ними, по ту же сторону лога, уже Портнихинская, или Москвитина заимка, а на самой Мамаевке — Горенская заимка (Горенских Ивана, Петра и Ильи), ближе к Логовскому — Горенского Василия Васильевича и Ефима Васильевича, рядом с ним Кулаковская, дворов десять.

А по эту сторону лога, по его словам, была только одна Калинина заимка, где жили Калинин, Зверев и Железняков Яков. Сам же он, Горенский Фокий, жил не на Елизаревской заимке, а самостоятельно, в полутора-двух верстах от Авдюшино, возле Мамаевки и пахал тридцать десятин земли! (См. его восп. в кн. 6, стр. 16—17). Участок Логовское — Осинники — Авдюшино — Сафроновка и Шипина заимка хорошо описаны в кн. 6, также на стр. 73—74.

Между «Третьей пятилеткой» (так назывался колхоз с центральной усадьбой деревне Тимирязево — заимка Андрея Авдюшева) и Авдюшинской деревней, на горе была заимка сполошинских крестьян Ермолая Елизаровича Сидорова и Анисима Нечаева. А у самого моста, в ложке, у Ключика в Авдюшино — заимка Анастасия Бурнашова (Стекольщикова), но возможно все это позже 1919 года.

Не было своих заимок:

- у Бурловых, но где-то немного пахали,
- у Белоноговых — ни заимки, ни пашни,
- у Денисовых — тоже,
- у Москвитина Якова Виссарионовича (Силеновича), батрака, был в работниках, производствовал — тесал шпалы,
- у Перицова Федора Федоровича, коновала,
- у Мамаева Андрея Игнатьевича, что жил на Солдатской, — многосемейный бедняк, но здоровый мужик, немного пахал на Золотухинской заимке,
- у Толмачевых — все по производствам,
- у Критинина Матвея — не пахал, не производствовал,
- у Мастюкова Гаврилы — не пахал, ходил в работниках, старик,
- у Давыда Москвитина (его уже не было в 1919 году) были сыновья Егор, Кузьма, Петр, Осип — все живы, жили порознь в своих домах, у Петра была заимка между Андреем Авдюшевым и деревней Авдюшино,
- у Кузьмы в то время в Тайшете уже был свой дом, и он работал писарем волости в Тайшете, а сперва в Алземае.

Все дома их в Бирюсе сгорели!

Болохонов Федор (?). Осип Давыдов был три года в плену в японскую войну, а вернувшись, взял Анну Федоровну (мать Саши Москвитина).

Самым богатым в Бирюсе был когда-то не Мамаев Алексей Михайлович, а Москвитин Конон и его сын Николай Кононович, основавшие Кононовскую заимку (Москвитина — Мамаева Татьяна неверно говорит, что ее основал Мамаев Конон, такого не было, она путает, это Москвитин Конон). Они запрягали восемьдесят коней, имели большой дом и конный двор, занимались ямщиной. Николай Кононович Москвитин держал почту в Разгоне. Но гулял Николай не с богатыми, а со своими работниками, которых имел очень много.

Были когда-то очень богаты и Федоровские (Черневский: «Горенский Федор, дед партизана Василия Васильевича Горенского — Федоровского, горбатого (см. стр. 32 книги записей)». — Е. С.), а также Кузьминские, а также Мамаев Николай с сыном Григорием (Николаевские). Их заимка была сначала вместе с Федоровскими, а потом с Агеевскими.

После пожара сохранились дома:

- 1) Мамаева Евсея Осиповича (Сергеевского);
- 2) Банщика Андрюшки (он ставил банки, лекарь) — маленькая старая избушка, она же избушка Громихи, тальской женщины;
- 3) Мамаева Федора, хромого (хромовского) на Мамаевке;
- 4) Волкова Ивана и пять амбаров Масленникова на Заэтапной;
- 5) Туракова Алексея, слепого, и его старухи на задах — чехи пожалели! Но общественный амбар с хлебом сожгли.

Это осталось от 360 дворов! Анциферов называет дома Коротича, Патрина Ефима, Мамаева (Сергеевского) Кузьмы Осиповича и Волкова на Заэтапной.

Ознобихины были тоже богатые. Глава семьи Ознобихин Степан, старший сын Селиверст, младший Михаил (партизан). Доили 18 коров, имели 52 головы рогатого скота вместе с телятами. Вот почему Михаил Ознобихин выслуживался перед Беляковичем, а потом пристроился к Басурманину!

Рупосова заимка. Гаврила Рупосов был средним из трех братьев: Степан (старший), Гаврила (средний) и Харитон (младший). Гаврила был здоровый мужик с окладистой бородой, сильный. Когда строили церковь, никак не могли поднять колокол. Тогда Гаврила попросил взвалить ему на спину и по трапу занес на колокольню. Колокол 28 пудов! Гаврила не просто здоровый, а великан! Его брат Степан навозил на болото, куда сбрасывали назем, гальку и поставил бревенчатый дом. Оба — и Гаврила и Степан — были богачи, но к партизанщине их уже не было в живых. Гаврила помер лет восьмидесяти перед революцией.

Патрина, или Туракова, и Портнихинская заимки. Яков Железняков жил с отцом Кириллом на этой заимке до партизанщины, а позже перешел на Калинину, или Портнихинскую, заимку к тестю Калинину Евстигнею, женившись на его дочери. У Калинина Евстигнея были сыновья Степан и Яков. Яков к 1919 году жил у тестя на Авдюшевой заимке, а Степан оставался с отцом.

Выражения рассказчика: «коня таким фертom повернул», «избушка приворотника», «орудия попадали сперва на Мамаевский остров, а потом уже в деревню».

**Именной указатель
упомянутых в беседе
с Афанасием Егоровичем Зориным,
а также перечисленных им заимок**

А

- Анциферов Иван — 31 (32)
Авдюшев Иннокентий Родионович — 34 (36)
Авдюшев Андрей Родионович — 34 (36), 36 (38)
Агеевские (Григорьевы) — (см. список на букву «Г»)

Б

- Балахонов Федор — 36 (38), об.
Балахонова (Москвитина) Анна Федоровна — 37 (39)
Банщик Андрюшка — 37 (39)
Белоусов Андрей — 31 (33), об.
Белоноговы — 36 (38)
Богданов Никита Григорьевич — 33 (35)
Бурловы — 36 (38)
Бурнашов (Стекольщикова) Анастасий — 36 (38)
Бурнашиха — 31 (33), об.
Бузов Илья — 33 (35)

В

- Волков Иван — 37 (39), об.

Г

- Громиха — 37 (39) об.
Федоровские. Горенский Василий Васильевич — 32 (35), 36 (38), 37 (39)
Горенский Василий Федорович (отец его) — 32 (35)
Горенский Федор (дед первого и отец второго) — 37 (39)
Горенский Ефим Алексеевич — 32 (34), 35 (37)
Горенский Илья Алексеевич — 32 (34), 35 (37)
Горенский Иван Авдеевич — 32 (34), 36 (38)
Горенский Егор Авдеевич — 32 (34), 36 (38)
Горенский Илья Авдеевич — 36 (38)
Горенский Павел — 32 (34)
Горенский (Елизаровский) Михаил Елизарович — 34 (36)
Горенский Фокей Андрианович — 31 (33), 32 (34), 34 (36), 35 (37), об.
Григорьев (Агеевский) Агей Федосеевич — 31 (33)
Горемыкин Влас — 31 (33), об.
Горемыкин Никон — 31 (33)

¹ Первое число — старая нумерация страниц книг воспоминаний, второе, в скобках, — новая нумерация согласно архивному фонду; об. — текст на обороте страницы.

Григорьев (Агеевский) Степан Агеевич — 31 (33), об.

Григорьев Андрей Агеевич — 31 (33), об.

Д

Денисовы — 36 (38)

Е

Ермаков Андрей — 32 (34), об.

Елагин — 33 (35)

Елизаровский (Горенский) Михаил Елизарович — 34 (36)

Ж

Железняков Кирилл — 31 (33), 38 (40), об.

Железняков Яков (его сын) — 31 (33), 38 (40), об.

З

Зверев — 31 (33), 33 (36), 36 (38), об.

Зорин Егор Осипович — 30 (32)

Золотухин Алексей Осипович — 32 (34)

К

Калинин Евстигней — 38 (40), об.

Калинин Степан Евстигнеевич — 33 (35), об., 36 (38)

Калинин Яков Евстигнеевич — 38 (40), об.

Климентьев Петр Егорович — 35 (37)

Ковалев (Яковлев) Ефим — 32 (35), об.

Коновалов (Сапожников) Александр — 32 (35), об.

Коновалов Василий — 32 (35) об., 35 (37), об.

Коновалов Федор — 32 (34), об.

Кособолиха (Москвитина) Елена Андриановна — 33 (35)

Козлов Лев

Козлов Иннокентий

Критинин Константин — 33 (35)

Критинин Матвей — 36 (38), об.

Кулаков Наум Федорович (Хиба!) — 30 (32)

Кулаков Алексей — 35 (37)

Кулаков Михей — 35 (37)

Кузьминские — 31 (33), 37 (39)

Кононовские (Москвитины) Конон и Николай — 33 (35), 34 (36), 37 (39)

М

Москвитин Александр — 35 (37)

Москвитин Арсений — 30 (33)

Москвитин Алексей Филимонович — 31 (33), об.

Москвитин (Портнихинский) Гаврила Александрович — 33 (35), об.

Москвитин Иван Васильевич — 31 (33), об.

Москвитин Исак Карпеевич — 31 (33)

Москвитин Карпей Демидович — 31 (33)

Москвитин Иван — 33 (35)

Москвитин Ларион (Полежаевский) — 33 (35)

Москвитин Моисей Васильевич — 31 (33)

Москвитин Николай Николаевич — 30 (32)

- Москвитин Никита Александрович — 33 (35), об.
Москвитин Конон (Кононовские) — 33—34 (35—36), 37 (39)
Москвитин Николай Кононович — 33 (35), об., 37 (39)
Москвитин Павел Васильевич — 31 (33)
Москвитин Петр (не Васильевич и не Давыдович) — 31 (33)
Москвитин Петр Давыдович — 36 (38), об.
Москвитин Давыд — 36 (38), об.
Москвитин Егор Давыдович — 36 (38), об.
Москвитин Кузьма Давыдович — 36 (38), об.
Москвитин Осип Давыдович — (38), об.
Москвитин Федор Егорович — (32)
Москвитин Яков Виссарионович (Силенович) — 36 (38), об.
Москвитин Харитон Пелагеевич — 33 (35), об.
Москвитина (Балахонова) Анна Федоровна — 37 (39)
Москвитина (Сидорова) Татьяна Петровна — 34 (36), об.
Москвитина (Мамаева) Татьяна Степановна — 30 (32), 37 (39)
Москвитина (Кособолова) Елена Андриановна — 33 (35), об.
Марков — 34 (36)
Мамаев (Сергеевский) Осипович — 31 (33), об.
Мамаев Кузьма Осипович — 31 (33), об.
Мамаев Евсей Осипович — 31 (33), об., 37 (39), об.
Мамаев Петр Осипович 31 (33), об.
Мамаев (Шегальков) Андрей — 31 (33), об.
Мамаев Александр Андреевич — 31 (33), об.
Мамаев Конон — 30 (32), 34 (36) об., 37 (39)
Мамаев Андрей Игнатьевич — 36 (38), об.
Мамаев Алексей Михайлович, купец, — 30 (32), 37 (39)
Мамаев (Николаевский) Николай Николаевич — 37 (39)
Мамаев Григорий Николаевич — 37 (39)
Мамаев Алексей Григорьевич — 31, об.
Мамаев (Хромовской) Федорович — 37 (39), об.
Мамаев Федор Китович (Титович) — 31 (33), об.
Мамаев Михаил Осипович — 31 (33), об.
Мамаев Яким — 31 (33), об.
Мамаев Кузьма Степанович — 31 (33), об.
Мамаева (Москвитина) Татьяна Степановна — 30 (32), 37 (39)
Мустюков Гавриил — 36 (38), об.

Н

- Нечаев Анисим — 36 (38)
Николаевские (Мамаевы) Николай Николаевич,
Григорий Николаевич и Алексей Григорьевич — 31 (33), об., 37 (39)

О

- Окладников Иннокентий — 33 (35), об.
Ознобихин Степан — 38 (40)
Ознобихин Селиверст Степанович — 38 (40)
Ознобихин Михаил Степанович — 38 (40)

П

- Пахоруков Василий — 31 (33), об.
Пахоруков Сергей — 31 (33), об.
Пахоруков Дмитрий — 31 (33), об.
Попов Григорий — 31 (33)
Портнихинский Гаврил Александрович (Москвитин) — 33 (35)
Патрин Андрей — 31 (33)

Р

- Решетников Павел — 33 (35)
Решетников Григорий Павлович — 33 (35)
Рагулин Максим — 33 (35), об.
Рупосов Гаврил — 33 (35), об., 38 (40)
Рупосов Ксенофонт — 33 (35), об.
Рупосов Харитон — 38 (40)
Рупосов Степан — 38 (40)

С

- Сапожниковы (Коноваловы) Василий, Александр и Федор — 32 (34), об., 35 (37)
Сергеевские (Мамаевы) Осип и его сыновья Евсей, Кузьма, Петр — 31 (33), об.
Сидоров Ермолай Елизарович — 34 (36), об., 36 (38)
Сидорова (Москвитина) Татьяна Петровна — 34 (36), об.
Силенович (Москвитин) Яков Виссарионович — 36 (38), об.
Слепокуров — 30 (32)
Стасенко — 31 (33)
Софронов (Тоболиковский) Яков — 33 (35)
Стекольщиков (Бурнашов) Анастасий — 36
Сухих Иннокентий — 33 (35), 34 (36), об.
Сухих Филипп — 33 (35), 34 (36), об.

Т

- Тимпинский Семен — 33 (35)
Толмачевы — 36 (38), об.
Тоболиковский (Софронов) Яков — 33 (35)
Троезубов Максим Никифорович — 32 (34), об.
Трошин Семен — 32 (34), об.
Трубин Никита — 32 (34), об.
Тураков Артемий — 31 (33)
Тураков Алексей — 37 (39), об.

У

- Устинов — 31 (33)

Ш

- Шабалин Зиновий — 31 (33)
Шемчук Кирилл — 33 (35), об.
Шипин Михай Федорович — 31 (33) — 32 (34), об.
Шипин Корней Федорович — 32 (34)
Шипин Андрей — 32 (34)
Широков Егор Егорович — 33 (35)

Ф

Федоровские (Горенские) Федор, Василий Федорович, Василий Васильевич — 32 (34), 37 (39)

Я

Яковлев (Ковалев) Ефим — 32 (34), об.

Займки:

Авдюшева Иннокентия — 34 (36), 35 (37), об., 38 (40), об.

Авдюшева Андрея — 34 (36), 35 (37), об., 36 (38)

Амельяновская (Емельяновская) — 31 (33), об.

Агеевская — 31 (33), об., 37 (39)

Анциферова (она же Никоновская и Шабалинская) — 31 (33)

Бурнашова (Стекольщикова) — 36 (38)

Горенская — 32 (34), 35 (37), 36 (38)

Елизаровская — 34 (36), 36 (38)

Ермаковская (Троезубова) — 32 (34), об.

Ермолаевская (Сидоровская) — 34 (36), об., 36 (38)

Золотухина (Малинникова) — 32 (34), 36 (38), об.

Зорина — 30 (32), об.

Иннокентьевская (Сухих) — 33 (35) — 34 (36), об.

Кособалова (Елагина) — 33 (35) — 34 (36), об.

Козловского — 34 (36)

Ковалева (Трубина) — 32 (34), об.

Кулаковская — 35 (37), 36 (38)

Кузьминская — 31 (33), об., 37 (39)

Кононовская — 30 (32), 33 (35) — 35 (37), об., 37 (39)

Критинина — 33 (35) - 34 (36), об.

Мамаевская — 31 (33), 35 (37)

Москвитина (Петра Давыдовича) — 31 (33), 33 (35), об., 35 (37)

Нечаева — 36 (38)

Ознобихина — 32 (34), об.

Полежаевская — 32 (34), 35 (37), об.

Пахорукова — 31 (33), об.

Патрина — 31 (33), 38 (40) об.

Портнихинская (Калинина) — 31 (33), 35 (37) об., 38 (40)

Рогулина (Шемчука) — 33 (35), об.

Ротного Александра — 32 (34)

Рупосова — 33 (35) — 35 (37), 38 (40).

Сапожникова (Коновалова) — 32 (34), 35 (37)

Софронова (Тоболиковского, Решетникова) — 32 (34), 33 (35), 35 (37)

Тихоновская — 32 (34), 35 (37), 36 (38)

Туракова — 31 (33)

Шипина — 32 (34)

Федоровская — 32 (34)

ИВАН ТИТОВИЧ БРЮХАНОВ

Родился в 1901 году.

ВАСИЛИСА ПЕРФИЛЬЕВНА БРЮХАНОВА

(урожденная Брюханова)

Родилась в 1902 году.

**Муж и жена, крестьяне из деревни Чунояр¹ на реке Чуна,
в которой и родились.**

**Ныне проживают в поселке Суетиха на ул. Чкалова.
Беседа состоялась 12 июля 1965 года.**

» Деревня 67 дворов («боевых душ»). Коренные жители: Брюхановы, Руко-
суевы, Каверзины — пришлые из других деревень.

Мы слышали такую легенду о происхождении наших деревень: пошли два бродяги Ярка и Колобок, остановились на яру² жить, перезимовали в юртах, а летом на плотике поплыли дальше вниз. Доплыли до деревни Устья (первая деревня у слияния Бирюсы и Чуны). Взяли одну женщину из Устья и оба стали с ней жить. Пошло племя, это уже когда они воротились на яр. Это на высоком угоре, на яру — красный песок, горячий, по колено. На другом, левом берегу луг и болото, а за ними горы, поросшие сосной, — тайга. Посре-
ди улицы деревню разрезает лог.

Лучшая рыбалка — красная рыба, это у порога Ворон.

Был у нас местный старик-летописец — Брюханов Михайло Захарович. Умер он в 1945 году, девяносто лет отроду.

Наших чунских брали в солдаты только три раза — в 1817 (1917?), 1922 и... годах. Наша деревня в 1919 году состояла из двух улиц: одна полная, двух-
сторонняя, а вторая половина, называлась Зеленая.

От нас до Хаи 24 версты, от Хаи до Тракта 18 верст. Раньше, давно ког-
да-то, Хая стояла ниже, у самой реки Хаи, но деревню топило, и она перебра-
лась на такой же яр, как наш.

Поход на Богучаны. Закоперщиком всех дел у нас был ссыльный Хруста-
лев Антон Лукич (умер до Великой Отечественной войны). Поход возглавил
Пайст. С Пайстом и Хрустальевым в Богучаны из наших крестьян пошли:

Рукоуев Николай Иванович,

Рукоуев Иван Иванович (Мельник),

Рукоуев Егор Матвеевич.

¹ Деревня Чунояр Богучанского района — по данным на 1926 г. 59 хозяйств, 280 жителей (141 муж. и 139 жен. пола). Чунояр возник во второй половине XVIII века. В середине XIX века деревня Чунояр носила имя Ярковская. В 1911 году деревня насчиты-
тывала 33 двора, 283 жителя (145 муж. и 138 жен. пола).

² Крутой, обрывистый берег реки, озера, склон оврага; обрыв.

Рукоусев Иван Матвеевич,
Рукоусев Софрон Егорович (???),
Шестопалов Павел,
Павел Белый,
Брюханов Егор Ильич,
Брюханов Данил Перфильевич,
Каверзин Софрон Егорович (Филофаневский).

Шестопалов Павел имел кличку Павел Красный — уголовный ссыльный (двенадцать ссылок), мародер, самогонщик. Рубаха-парень, при этом обходительный. Мастер на все руки — шубу сошьет, сбрую на коня. В Апан он не пошел. Потом к нему приехал фединский дружок Микишка, но их обоих в Чуноярах взяли партизаны и увезли в Апан. Умер в Чуноярах. Микишку расстреляли, а Павел вернулся на чуноярском мобилизованном в кавалерию коне.

Что касается Рукоусева Егора Егоровича (1903 г.р.) и Рукоусев Константина Матвеевича (1902 г.р.), на которых указал Рукоусев Нестор Меркулаевич, то они ни в Богучаны, ни в Апан не ходили (молодежь).

Рабочие заметки А. Ю. Черневского

• Супруги Брюхановы этих двух (Рукоусевых Егора и Константина. — Е. С.) отрицают: молодежь, ни в Богучаны, ни в Федино — Апан не ходили. Костя 1902 г.р., а Егор 1903 г.р. Но зато они добавляют Брюхановых Данилу.

Рукоусев Нестор Меркулаевич называет чуноярских:

- Хрусталева Антона Лукича, ссыльного,
- Брюханова Егора Лукича (Брюхановы называют его Егором Ильичом),
- Рукоусева Николая Ивановича («головной», т.е. главный),
- Рукоусева Егора Матвеевича,
- Рукоусева Ивана Матвеевича,
- Рукоусева Константина Матвеевича, это три брата,
- Рукоусева Егора Егоровича,
- Рукоусева Софрона Егоровича, это два брата,
- Рукоусева Ивана Ивановича (Мельник),
- Шестопалова (Павел Красный, ссыльный),
- ссыльного Павла Белого, мародера.

Более десяти человек. Это те, что пошли с Пайстом на Богучаны!

Противодействующих в деревне не было.

• Из Богучан привезли лыжи, шашки и пр., и все это сложили в доме Брюханова Перфилия — отца партизана Данилы Перфильевича и рассказчицы Василисы Перфилаевны (???).

• Купцы Носов Дермидонт Тимофеевич и богучанский Каверзин Григорий Андреевич были взяты в Хае, еще до похода на Богучаны, в доме Савиных.

• Многие их тех, кто ходил на Богучаны, в Апан не пошли, а пошли другие, а именно в первую очередь:

- Брюханов Михаил Николаевич, 1899 г.р.,
 - Брюханов Василий Наумович,
 - Соколов Иван Дмитриевич (он родом из Хаи, весной его ранило в руку);
- и во вторую очередь, несколько позже:

- Рукосуев Феоктист Ананьевич,
- Рукосуев Алексей Семенович,
- Рукосуев Иван Иванович (Глухой, не Мельник),
- Брюханов Панфил Иванович,
- Брюханов Михаил Яковлевич,
- Брюханов Иван Васильевич (Ветров, это не уличная фамилия, он официально взял ее, ввиду того, что был родной брат Иван Васильевич Брюханов),
- Брюханов Петр Яковлевич,
- Брюханов Иван Сидорович,
- Брюханов Иван Васильевич (Жилин),
- Брюханов Алексей Филиппович (Самородин),
- Брюханов Кузьма Алексеевич.

Неясно, зачем упомянуты и что делали Брюхановы Алексей Дмитриевич (пожилой), Федор Егорович, Григорий Михайлович (или Яковлевич), Иван Михайлович и др.

- О Пайсте и его родне. Пайст связан с Чуноярами родством. Здесь жила родная тетка жены Пайста Вера Игнатьевна Рукосуева. Партизаны Рукосуевы Иван Иванович (Глухой) и Николай Иванович — это ее дяди. Их еще называли по матери Верийнины, особенно их третьего брата не партизана Василия Ивановича Рукосуева (Верийнина).

У этой Веры Игнатьевны Рукосуевой, сестры тестя, и останавливался всегда Пайст в Чуноярах. Там и сейчас живет еще жена Василия Ивановича Рукосуева (Верийнина) — Рукосуева Мария Спиридоновна, которая может многое рассказать о Пайсте.

Пайст был высокого роста, здоровяк лет пятидесяти, волосы зачесывал назад.

«Нам точно известно, — говорят супруги Брюхановы, — что из малеевских был очень активный ссыльный Лазуткин, он ходил на Богучаны. Его жена чуноярская, она жила и живет сейчас в Юртах — Лазуткина Анна Кондратьевна».

- История с купцами, которых убил Ткаченко и другие. Заледеевского купца звали Алексей Зиновьевич, а второй был, кажется, климинский (из деревни Климинный?). Подводчиком из Карабулы был Харитон. «Защитник» остановился у Семена Гавриловича в Чуноярах, но они и его увели и расстреляли.

- После свержения царя в Чуноярах была большая манифестация. Впереди шел девяностолетний дед Никита Фадеевич, а учитель Попов Василий Якимович оплакивал и ратовал за царя.

- И. Т. Брюханов: Кроме Рукосуевой (Верийниной) Марии Спиридоновны, в Чуноярах сейчас живут еще свидетели событий, которые могут многое рассказать: Брюханов Иоф Титович, лет 75-ти, мой брат; Рукосуев Николай Петрович — еще старше его, сам карабульский; Рукосуев Андрей Егорович — у него жил, т.е. останавливался, часто наезжавший в Чунояры Апанович.

- Выражения рассказчиков

Как кто напортачит, притакали пороть.

Хулла — спальный мешок по-тунгуски.

Аж у пот бросает.

ПЕТР АНДРИАНОВИЧ ЗУБАРЕВ

**Родился в 1906 году.
Бывший житель деревни Черчет,
свидетель пленения И. А. Бича.
Ныне живет в поселке Суети́ха (ул. Вокзальная, 8).
Беседа состоялась летом 1964 года.**

Летом 1919 года мы жили на хуторе отца моего Андриана Поликарповича Зубарева по пойминской (дорога на деревню Пойма) дороге, где было несколько хуторов. «

Отец портняжил и послал меня в Черчет получить у Ивана Волка (Волкова) два пуда муки за шубу. Получил и заехал к бабушке — материному отцу Кудреватых Савелию Павловичу. Вдруг весть, что едут румыны. Их видать далеко под горой за ключиком (они ехали с треминской дороги). Впереди ехала кавалерия на сорока лошадях, за ней обоз, пехота. Вошли в Черчет. Дед перекинул мешок с мукой через кобылу, посадил меня, и я в объезд румынам пробрался на хутор. Рассказал. Ночь прошла спокойно.

Утром меня посылают за кобылой, она паслась на болоте. Пошел, поймал и еду к дому, а дом наш уже окружен.

Забыл сказать главное: еще как идти мне за конем, к нам, руки за спину, зашел Бич, выпил с отцом самогона и вышел, обошел хутор латышки — и к Семену Леоновичу Кудрявцеву.

Когда я увидел, что дом окружен румынами-кавалеристами, я отпустил кобылу. Но румыны уехали. Я узнал, что расспрашивали у отца, делали обыск, нашли масленку от швейной машинки (машина была спрятана в сено) и пристали к отцу: «Отдай пулемет!». Избили и ушли.

Слышим стрельбу. И вот везут Бича. Мать Дарья Савельевна как увидела, обомлела и что-то сказала, а румын: «Вот вам барсук Бич!». Схватил мать за волосы да об землю, а отца снова плетью. (Семен Леонович в то время на своей голубой кобыле уехал в лес.)

Как только они въехали в заимку, вернулся Семен Леонович и поскакал к партизанам, чтобы сообщить (???)

Когда Бича отбивали, убили шесть беляков, взяли четырех коней!

Верстах в шести от Черчета, недалеко от дороги первый стожок Кирилла Бородача, а заимка (станок) Лесюка — четыре версты от Черчета.

Однажды румыны поймали Никифора Марченко и Николая Лесюка и повезли в Пойму (???)

ИЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВИЧ КРОПОТОВ

Родился в 1906 году, уроженец и бывший житель деревни Черчет.
Ныне живет в селе Шелаево (ул. Лазо, 7).

А. Ю. Черневский о письме И. А. Кропотова

Пишет, как еще малышом бегал в дом И. А. Бича, а иногда и в дом его брата Арсентия. Бич был учителем и один из его учеников, Головачев Григорий Устинович, и сейчас живет в Черчете. Но он учил не только детей, но и взрослых. К нему ходили Сея Давыд Мартынович, Басурманин Александр, братья Фогели, Чемоданов Афиноген, отец автора писем Кропотов Александр Александрович и др. После бесед на политические и бытовые темы играли в шахматы и вполголоса пели революционные песни — «Марсельезу», «Интернационал». У Бича было много книг.

Но вскоре И. А. Бич уехал с семьей на железную дорогу, а затем и его брат Арсентий. Однако во время войны, а особенно после свержения самодержавия, Бич снова начал наезжать в Черчет. У него в это время была повреждена левая рука, которую раздавило при сцепке вагонов.

Был свидетелем пленения Бича И.А. белорумынами, т.к. находился в это время на хуторе своего дяди Виктора Абрамовича Кудреватых, который был женат на тете, сестре отца — Кропотова Александра Алексеевича. Но тетя, первая жена Виктора Абрамовича, умерла в 1915 году, и теперь он жил с другой женой, которую звали Ефимия Родионовна.

Из письма И. А. Кропотова: Я жил на хуторе дяди Виктора Абрамовича Кудреватых, где мы жали рожь. В памятный день, встав рано утром, мы с Филиппом (двоюродным братом) накопали червей, взяли удочки и отправились на озеро рыбачить. Отойдя метров четыреста, встретили в лесочке Бича, шедшего в направлении на наши хутора — к Семену Кудрявцеву. Он был в шинели, фуражке, револьвер висел на ремне через плечо, обут в сапоги. Узнав нас, усадил на бревно, поваленную или срубленную лесину, по-отцовски обласкал, спросил, куда и зачем идем, где родители. Он закурил. Поиграл нашими лохмами, поцеловал каждого в щеку и, предупредив, что если кого встретим, чтоб не говорили, что видели его, ушел в направлении хутора Кудрявцева, а мы на озеро.

Не дойдя до озера, услышали конский топот, а вскоре и отдаленные выстрелы. Мы растерялись, не зная, что делать, но тут же повернули обратно. Не добегая до хутора, увидели конный отряд румын, человек двенадцать, но с ними были и пешие солдаты. (Черневский: «На подводе Гаврилы Мазуренко». — Е. С.). Мы спрятались в кустах вблизи хутора и стали наблюдать. Белогвардейцы окружили дом Семена Леоновича (самого Семена дома не было, он уехал утром на голубой своей кобыле в поле) и стали стрелять в окна и двери (Черневский: «Сомнительно: слышали выстрелы еще будучи у озера, успели добежать, и только теперь румыны стали окружать дом и стрелять!». — Е. С.). Из дома были ответные выстрелы. Один раненый румын упал с лошади (?).

Белые стали бросать гранаты внутрь дома (???). Бич выскочил в окно и бросился бежать к лесу, но его ранили в ногу (?). Верховые настигли его и принялись избивать плетьюми и прикладами (!).

Столпившись вокруг избиваемого Бича, они вдруг увидели нас, и несколько верховых, видимо приняв за партизан, обнажив клинки, устремились в нашу сторону. Окружили кусты, но, увидев детей, остановились, вложили клинки в ножны и стали хлестать нас плетьюми, потом погнали к телеге, запряженной парой лошадей, на которой уже лежал связанный Бич и другой мужчина (Черневский: «Это был чуваш Виктор Васильев из Джогино, работник Семена Кудрявцева». — Е. С.), который тоже был избит, весь в крови.

Румыны переговаривались на своем языке, и начальник их обратил на нас внимание: «Большевика сын!». Он дважды ударил меня плетью, и рубашка на моей спине окрасилась кровью.

Румыны больше не обращали на нас внимания. Я не заметил, чтобы среди белых были русские и говорили на русском языке, кроме возчиков-проводников — треминского кулака Каверзина Василия Евсеевича и нашего черчетского Мазуренко Гавриила на паре своих лошадей (он сейчас живет в Шиткино!).

Вскоре после того как все уехали, к нашему шалашу подъехали двенадцать верховых партизан во главе с Машуковым. Расспросили, что произошло, и, узнав, тут же напрямик через лесок и болото ускакали в сторону Черчета (Черневский: «Чепуха! Отряд Машукова ни в тот, ни в обратный путь разведки не заезжал ни на один хутор, ни на одну заимку». — Е. С.).

Спустя часа полтора мы снова услышали стрельбу. Как после мы узнали, в результате данного партизанами боя у моста было убито четыре белогвардейца и несколько ранено. Брошенные запряженные кони бросились с дороги на поля и там, запутавшись в вожжах, остановились, а Бич и другой (Виктор Васильев), развязав друг другу руки, бросились в лес — в разные стороны. Но сам Машуков этого еще не знал и на обратном пути он говорил, что румын разбили, а Бича освободить не удалось, т.к. лошади галопом умчались с телегами.

Машуков тут же попросил нас пойти в Черчет и узнать, что случилось с Бичом. Я с Филиппом, взяв сумки, удочки и котелки, и пошли, будто с рыбалки, домой в Черчет. Пришли в деревню вечером и стали рыскать по ней босиком, узнали, что Бич вторично был пойман и содержится при штабе белых под усиленной охраной. Его взяли, по доносу Прокопа Дротенка, около полевого стана Андрея (а не Адама) Лесюка (???) сидящим на бревнышках (?). Дротенок был на поле, видел пробирающегося Бича и выследил его (Черневский: «Это было не так!». — Е. С.).

Разузнав обо всем, мы вернулись на хутор, где застали уже много партизан, целый отряд, и мы им все рассказали (Черневский: «Врет рассказчик!». — Е. С.). На другой день партизаны двинулись на Черчет, чтобы освободить Бича, но было уже поздно — его увезли.

КИРИЛЛ СЕМЕНОВИЧ КУДРЯВЦЕВ

**Уроженец деревни Черчет,
сын хуторянина Семена Леоновича Кудрявцева,
в чьем доме и разыгралась трагедия пленения Бича**

Комментарии А. Ю. Черневского: Воспоминания К. С. Кудрявцев отправил письмом. Его мать, жена Семена Кудрявцева, Татьяна Михайловна (87 лет) живет в Пойме у самой младшей дочери, Марии. Из материала видно, что живы и другие дети: Петро, 1919—1920 г.р. (Красноярск), Сергей (Комсомольск), Ольга (Чуна) и Даша (Шиткино).

В 1919 году в семье пятеро детей и мать беременна шестым, Петром, на последних месяцах.

» **К. С. Кудрявцев:** Отец Семен Леонович пришел с войны в 1917 или 1918 году и решил построиться на пашне, близ проселочной дороги (практически на Шелаевском тракте), поставил хутор среди поля и леса. В 1919 году, когда дом был еще не достроен, без дверей и наполовину не застлан полом, т.к. отец копал подполье, в пору жатвы, в начале сентября, наехали в Черчет румыны. До этого чехи ездили — и все мимо этого хутора. Стоит у самой дороги, все заходят: «Где большевики?». Бьют, ругают, а дети обступят, держатся за исподницу, плачут, дрожат. Татьяна Михайловна отвечает: «А черт вас знает, кто белые, а кто красные, ездят всякие каждый день, а наша изба с краю, в лес не унесешь».

У нее был вкусный березовый квас в бочке ведер на двадцать, заготовленный еще по весне, закиснет — и на все лето. А если еще туда медку — то совсем не оторвешься! Вот и приходилось этим квасом — и белых и своих...

Ранее утро, но солнышко уже проникло сквозь окна и щекочет детские лица, пробуждая от безмятежного сна спящих на новом смолистом полу, закрывающем еще только половину избы. Вошла мать с ведром молока, только поставила и собралась цедить, как, бесшумно откинув одеяло, закрывающее дверной проем, показался на пороге человек: «Доброе утро, Татьяна Михайловна!» «Здравствуйте, Иван Андреевич! Гость хороший, да только не ко времени, румыны каждый день навещают на наш хутор». «Знаю, Михайловна. Дай кваску, выпью да пойду. На задах у меня оседланный конь и два товарища». Но не успел он напиться, мимо окон промелькнула тень. Мать всплеснула руками: «Они, окаянные! Румынцы!» Бич выхватил револьвер из кобуры, быстро повернулся, отворотил одеяло — мать задернула его: «Не губи, Иван Андреевич...»

Но Бич уже видел подъезжающего к порогу румына и дважды выстрелил, и оба раза промахнулся — мать одеялом помешала.

Ошеломленный неожиданными выстрелами, румынский разведчик выстрелил вверх из ракетницы и ускакал. Но тут же по избе ударили винтовочные залпы. Бич бросился в окно, выходявшее на огород, побежал по грядкам, по картофелю, заплетаясь в большой ботве.

Мать швырком побросала сонных ребятшек в яму и сама туда...

Но вот выстрелы замолкли, только слышен шум и гвалт. Дети прижались к матери плотнее. Ольга, самая старшая, ей было тогда десять лет, поднялась, чтобы взглянуть в окно. Выстрел. Ольга падает с перепугу. Явственно доносится брань и крики на ломаном русском языке. Сорвав с косяков одеяло, врывается в избу румынский офицер: «Вылезай, большевичка, из своей могилы со своими красными зверятами, а то живьем зароем». Мать выбирается из подполья, вся дрожа, и мы за ней вереницей — пятеро.

«Говоришь, не знаешь кто белый, а кто красный, а сама скрываешь и привлекаешь главного красного бандита! Хорошо, очень хорошо. Твой муж есть тоже бандит...» Размахнувшись ногой, он метит в живот, мать поворачивается боком, и румын, запутавшись в подоле длинной юбки шпорой, летит навзничь в подполье. Поднявшись, там же обнажает шашку и, вылезая из подполья, взмахивает ею над матерью. Мы все пятеро, облепив ее, плачем и кричим: «Мама! Мама!».

С пеной у рта офицер мечется по избе, направляет клинок в живот, но останавливается, сдерживается.

Дед Леон, старый и дряхлый, сидевший забившись в угол, произнес: «Что тебе от нее надо, баба она брюхатая, ваше благородие». «О, то отец красного бандита-барсука заговорил», — он пинком и прикладом винтовки выталкивает деда на двор, где белогвардейцы торжествуют победу и измываются над пленным Бичом.

Окружив хутор после обстрела с дороги (за пятьсот-шестьсот метров), они не заметили, когда Бич выскочил из окна на огород, но увидели его бегущего по конопле и, пришпорив коней, настигли, подмяли под себя, истязая, привели к избе и ждут теперь распоряжения командира.

Иван Андреевич стоит, высоко подняв голову, окровавленный, грудью вперед и с презрением смотрит в лицо палачам (Черневский: «Карателям». — Е. С.). Рядом с ним стоит схваченный в поле чуваш Виктор, убиравший свой хлеб, — за то, что суслоне нашли кусок красной материи (???). «Господин офицер, — говорит Бич — вы можете делать со мной что хотите, но отпустите этого крестьянина, он не партизан, и не губите эту не повинную ни в чем семью...» «Молчи, таежный бандит», — офицер хлестнул Бича плетью по спине, отчего лопнула рубашка на спине. «Зря стараешься, ваше благородие. Плетью своей поганой ты обуха не перешибешь. Мы у себя дома, нас много. Мы хозяйева этой земли и этих лесов, и мы вас сюда не звали. Народ рассчитается с вами...» Офицер вскипел: «Жаль, я не смею тебя убить. Тебя приказано поймать и доставить живым. А то бы я пустил тебе пулю в твой бандитский лоб... Сыпать много плеток этим бандитам. Пусть знают полный свобода...»

Несколько пар солдат стали в строй, держа наготове плети. Плети свистят в воздухе. Первая пара устаёт, её сменяет вторая, вторую — третья. Все по очереди секут Бича и Виктора. Бич, подняв руки, закрывает глаза, стоит, широко расставив ноги, кровь брызжет во все стороны, но он не просит пощады. Но наконец, изнемогая, падает Бич, падает и Виктор (Черневский: «А не наоборот?». — Е. С.). «Эй, большевичка, неси воды своим бандитам, им немного нехорошо», — издевается офицер.

Татьяна Михайловна несет ведро воды, беляк льет на них, чтобы привести в чувства. «Ну, а нам квас давай, мы будем пить. Мы устали». «Дозвольте и их напоить», — указывает мать на пленных. «Что, опять плетка захотел? Ну, ладно, дай им вода пить, а то мы не довезем их до деревни, до штаба». Бич едва держит ковш трясущимися руками, подносит их к запекшимся губам, но у него ничего не получается: «Помоги. Михайловна, напиться, не могу, ничего не вижу».

После этого бросили пленных на телегу (Черневский: «Одна телега? Нет, было две телеги». — Е. С.). Старика Леона, избитого, бросили в крапиву. Офицер вскакивает в седло, подает команду двигаться, и рота трогается. Впереди офицер, за ним несколько верховых, затем телега с пленниками и сзади опять верховые. Телега завилыла колесами по песку, на который каплями капала кровь...

Комментарии А. Ю. Черневского: Далее автор рассказа-воспоминаний в несколько художественной форме дает понять, что его отец Семен Леонович Кудрявцев был в числе тех двух партизан, которые стояли с оседланными конями в лесу, поджидая Бича, и, услышав стрельбу, выскочили на конях к хутору, увидели, как выскочил из окна и побежал по огородам Бич, и поехали ему навстречу, но заметив, что хутор со всех сторон окружают большие силы белых, которые бросаются к продирающемуся через коноплю Бичу верхом на конях. Партизаны «незамеченными» скрываются в лес.

Это, конечно, небылица. Ни его отец, никто другой, этого не видел, не был непосредственно на хуторе и ничего не предпринимал. Бич был в разведке пеший, и его, тоже пешие, разведчики сидели в кустах у дороги далеко от хутора (см. восп. Необъявляющего Михаила Егоровича, кн. 5, и Кочергина Николая Лавр. там же).

К. С. Кудрявцев: На повороте лесной дороги показался верховой. Это офицер. За ним движется вся рота. Подпустив на несколько шагов противника, Машуков дает команду: «Огонь!» (???). Офицерский конь встал на дыбы, рванулся в сторону. Офицер свалился чуть ли не у самых ног Машукова. На коленях, взяв под козырек, хотя фуражка слетела, дрожащим голосом произнес: «Извиняюсь» (???).

Машуков выругался крепко, по-русски: «На кой мне... твое извинение, беляк!» и выстрелил ему в лоб. Было убито еще несколько солдат в этом коротком минутном бою. А лошадь в упряжке убежала. Забрав оружие убитых, партизаны вскочили на коней и исчезли в тайге». (Черневский: «Там не тайга, а бор».

Комментарии А. Ю. Черневского: Далее автор пишет, что, как выяснилось, возчик, везший Бича и Виктора, сильно натянул вожжи, лошадь попятилась назад и опрокинула телегу, а затем рванулась вперед «проскочила мост и понеслась по дороге» (?). Извозчик, вцепившись в телегу, тоже удачно прорвался. Виктор, которого били меньше, чувствовал себя лучше, он увлек за собой Бича вниз по ручью по траве, папоротнику, мелкому кустарнику. Бич несколько раз падает, жадно пьет воду. Гнус липнет на кро-

воточащие раны. Наконец подошли к обрывистому берегу Бирюсы (протоки Березовой).

И дальше, известная легенда с палкой, брошенной по течению. Бич почти ничего не видит! Плохо соображает. Они расходятся в разные стороны.

К. С. Кудрявцев: После этих событий мать затащила деда Леона в избу, обмыла кровь. Через некоторое время один из детей говорит: «Мама, дяденька, которого били, бежит, бежит к нам». Это был Виктор. Он вбежал, запыхавшись, упал на лавку и попросил пить. Пьет жадными глотками. Обо всем рассказал. «Уходите с хутора, пока не поздно, они непременно снова придут, раз мы сбежали, и вам несдобровать».

Едва он ушел и Татьяна Михайловна стала собирать детей в путь, как пришел отец, Семен Леонович. Мать сказала, что только что был Виктор, все рассказала. «А где же Иван Андреевич?». Узнав, попросил быстрее собираться. «Отец, и ты уходи с нами». «Я останусь, мне все равно тут помирать. А вы уходите, да побыстрей», — ответил дед Леон.

Уходили через заболоченные луга к Бирюсе. Семен нес на руках Дашу, Татьяна Михайловна плелась по колкому лугу за ним с вереницей босых ребят.

Солнце за их спинами спокойно идет к закату, цепляясь за вершины елей, и кажется, что вот-вот оно распорет себе живот и из него побежит кровь... Под лучами уходящего солнца багровеет восток, предвещая хорошую погоду. Навстречу беженцам над низко скошенными травами плывут белогривые туманы. Были уже сумерки, когда необычных путников принял на лодку их односельчанин (Черневский: «Дьячков?». — Е. С.) и переправил на остров через протоку Березовую. Семья поселилась в каком-то шалаше.

Комментарии А. Ю. Черневского: Второе пленение Бича автор рассказа изображает так: Бич, поднявшись на гору, вышел на черчетские поля, добрался до «какой-то заимки» и свалился там. Когда румыны подбирали своих убитых, то случайно наткнулись на него и увезли в Черчет, «где его тут же опознали».

Автор рассказа называет Бича политическим ссыльным, а Машукова все время — Николаем!

К. С. Кудрявцев: На высоком берегу, на возвышенности стояла в прошлом в селе Шелаево церквушка, благовестившая перед большими религиозными праздниками, созывая верующих ко всеобщей (там, где сейчас клуб).

Из сибирской деревенской песенки:

Паря по сено поехал,

Паря за угол задел.

Перетяга порвалася,

Паря с воза полетел.

Хутор Кудрявцева как бы в седловине, сзади и за огородами — поля, за полями лес на пригорке. Мнимые товарищи Бича уходили отсюда на Пойму так: проскочили бор, балку, елань и, огибая болото...

Комментарии А. Ю. Черневского и его литературная зарисовка:

От хутора Семена Кудрявцева до моста восемь верст дорогой, а лесом четыре, значит, мост от Черчета в шести верстах, а поле Кирилла Бородача — пять верст. Это подтверждает и Зубарев (стр. 51 (53 по новой нумерации) этой книги)...

Был солнечный сентябрьский день. В лесу тихо. Только дятел-работяга (обжора) то там, то тут стучит ритмично по звонкому сушняку (сосны). Откуда-то припорхнула крошечная пичуга, села на былинку хвоща и, раскачиваясь (покачиваясь) на ней, стала звонко тилинькать, рассказывая о чем-то непонятном, а может быть, подавая сигналы опасности... Жалят комары... (Но их не бывает солнечным днем, скорее мошка.)

АНДРЕЙ НЕСТЕРОВИЧ ПРИВАЛИХИН

Родился в 1895 году, уроженец и житель Кежмы, партизан.

ПЕТР СЕМЕНОВИЧ ПОПОВ (РОЖКОВ)

Родился в 1895 году, уроженец и житель Кежмы, партизан.

АФАНАСИЯ КОНСТАНТИНОВНА ВОРОНОВА (ЗАМЕТИНА)

Родилась в 1889 году, уроженка и житель Кежмы, партизан.

ЕГОР НИКОЛАЕВИЧ СУЗДАЛЕВ

Родился в 1889 году, уроженец и житель Кежмы.

Встречи состоялись в Кежме летом 1965 года во время экспедиции с детьми к месту падения Тунгусского метеорита: с Привалихиным и Суздалевым — 25 июля, по пути в Ванавару, с Поповым и Вороновой — 16 августа, по возвращении из Тунгусской тайги.

Визложению А. Ю. Черневского

Андрей Нестерович Привалихин очень крупный мужчина, бывший приискатель, относит начало партизанского движения в Кежме к появлению разведки из пяти человек с Тасеевского фронта под руководством Щекотурова. Этот человек фигурирует в протоколе закрытого армейского съезда представителей партизан Канского уезда — первого армейского съезда — в числе избранных в члены Военного Совета (сборник «Документы героической борьбы», стр. 276).

Из местных к нему присоединились: он (Андрей Нестерович), Привалихин Александр Нестерович (брат), Кокорин Иван Васильевич, Брюханов Тихон Евсеевич да еще Алексей Воронов, который потом стал предателем и кричал, что партизан всех надо «расстрелять на глызы».

После них пришел отряд Красникова Ивана Васильевича, ссыльного из деревни Рожковой¹, который организовал в Нижнем Приангарье человек тридцать-сорок и с февраля до весны с этим отрядом стоял заставой в деревне Усольцевой, что выше Кежмы 60 верст (70 километров!), но сам лично жил больше в Кежме (подальше от опасности!). В его отряд вступил и бежавший из-под ареста от белых Шкляр.

Сам рассказчик вступил в отряд Пепула и Смолина (?), и их отряд встретился с отрядом К. Москвитина в Червянке (???) Пепул и Смолин,

¹ Деревня Рожкова Кежемского района основана в 1815 г., по данным на 1926 г., 36 хозяйств, 174 жителя (94 муж. и 80 жен. пола).

по его словам, пошли на Карамышево — Банщиково, Бадарма, а Костя — на Дворец, но разругавшись в Карамышевой с Пепулом, Смолин вернулся и догнал Москвитина во Дворце. Это мало вероятно. Скорее всего, рассказчик, будучи в отряде Пепула, встретился в Червянке со Смолиным, а остальное правдоподобно!

В Бадарме и Пановой был бой с Рубцовым, и началось паническое бегство по реке. Когда начался ураган, он, рассказчик, отбилсЯ, бежал берегом и лишь под Кежмой нашел лодку со следами крови — видимо, убитых Рубцовым и утонувших партизан. В этой лодке догнал Пепула только во Дворце.

Каратели избили его отца Нестера Ивановича, который тоже был восемнадцать лет на приисках, забрали у него 100 пудов пшеницы и в них 200 рублей золотом. После этого семья отца уехала в деревню Проспихину, а в 1920 году отец умер.

Когда произошла встреча отряда Пепула с Бурловым во Дворце, в отряде Пепула были Баженов, Брум, Страус (а при встрече в Червянке со Смолиным в отряде Пепула был и Шкляр).

Попов Петр Семенович уроженец деревни Рожковой и фамилия по отцу Рожков, но на третьем году жизни остался бел отца и матери и воспитывался в Кежме у материнного брата Попова Семена Осиповича, был им усыновлен и принял его фамилию и отчество.

По его словам, начало положил Красиков Иван Петрович (а не Васильевич, как говорит Привалихин), ссыльный деревни Рожковой, пришедший в Кежму с организованным им в Нижнем Приангарье отрядом (Красиков жив, живет в Черниговской области). Он ездил в Шиткино на связь и действовал от Шиткинского фронта!

В мае 1919 года кулак Кокорин Тимофей Константинович вызвал карателей, и приехал отряд Мамаева (очевидно, Рубцова). Повесили татарина-батора и расстреляли Александра Прокопьевича Брюханова.

«Однажды я вез бочку воды, — рассказывает Петр Семенович. — Встретились два казака и потребовали везти их в Мозговую (Верхняя Кежма, двенадцать верст от Кежмы) на турбину (турбинская мельница), где на распиловке теса маховой пилой работал партизан, советский активист Иван Гордеевич Брюханов. Не доезжая один казак спрыгнул и пошел к речке, где пилил Брюханов, но я ему успел кивнуть, мол, беги, и он убежал в тайгу. Меня послали за ним, и я остался в тайге, пока каратели не ушли из деревни, и тогда вернулся».

Когда в Кежму вступил отряд Москвитина, первыми верхом на конях ехали Костя Москвитин и Красиков — через низкий Козловский мост (тогда он был на столбах-козлах, без перил), что у самого устья реки Кежма (а не там, где теперь мост).

Встреча отряда Бурлова со Зверевым (из мамаевского отряда), по словам рассказчика, произошла верстах в шести выше Кежмы на Петрунькином ручье («С посланцами Зверева» — дописано позже Черневским. — Е. С.)

Афанасия Константиновна (Фаня) Воронина (Заметина): «Первым появился у нас Ткаченко с Тасеевского фронта (Черневский: «См. воспоминания Рукосуева Нестора Меркулаевича, кн. 8, стр. 95». — Е. С.) — один и организовал в Кежме отряд из разных деревень, собрание проводили в школе. И во время собрания Попова Семена Осиповича, приемного отца партизана Попова Петра Семеновича, ударил припадок падучей болезнью².

Из кежемских в отряд первыми вступили те, кого назвал Привалихин: Кокорин Иван Васильевич и Брюхановы Евсей (отец), Тихон Евсеевич и Илья Евсеевич (сыновья), Журавлев Михаил, Журавлев Василий (однофамилец, Васька Бобик), Кокорин Михаил, Брюханов Николай.

Пошли вверх до Пановой. Когда спали, пришел Вейс и почти всех перестрелял, так как они спали без охраны и постов, кое-кто убежал.

В это время к Кежме подходил снизу организованный им же, Ткаченко, отряд. Выслали двух разведчиков: ссыльного немца Карла и литовца Ивана (Черневский: «Марнинского». — Е. С.). Крайним на Малой Заречке (на западном краю) был дом кулаков-братьев Россейских — Кокориных Тимофея, Александра, Семена и Данилы. Они и выдали разведчиков. Иван убежал по ржи, а Карла пристрелили на бегу.

Татарин-малец, тоже разведчик, спрятался у одного кулака в избе, а тот его тоже выдал.

Помощником у Ткаченко был ссыльный сыромолатовский Сорокин Алексей. На Бадарме они встретились с Пепулом и Шляром (???).

Кежемского кулака Егора Ивановича Суздалева Пепул увез в Проспихину (Пепул там жил!), посадил в читовку, а когда повезли его в Шиткино, под видом побега расстреляли.

Костя Москвитин увез отца-старика братьев Россейских — Кокориных Константина Васильевича Кокорина. У Кости Москвитина был бинокль!»

Когда отряд Бурлова уже пришел вверх, он прислал в Кежму комиссара Аркадия Васюкова, из студентов Казанского университета, для заготовки одежды. Рассказчица шила верхонки, штаны из ровдуги, а потом с ним уехала в Нижне-Илимск и там осталась. В зиму 1919—1920 гг. в Нижнеилимском гарнизоне работал секретарем Иван Феокистович Лушников, и она с ним. Это точно. Значит, Лушников выбыл с Шиткинского фронта.

«Потом мы вместе с Лушниковым уехали в Балаганск, — продолжает Афанасия Константиновна, — с частью, и там я его потеряла. Помню командира в оленьей дохе... Я дошла до Больших Ендов, а оттуда обратно в Манзурку, и заболела. В отряде Бурлова главным врачом был Курбатов Василий Иванович, один фельдшер и наша кежемская Брюханова Анна Михеевна. У нее был муж в партизанах, и она уехала в Нижне-Илимск сразу, раньше меня... В отряде Бурлова был учитель из Ковы³ Иванов.

² Падучая болезнь — эпилепсия.

³ Деревня Кова Кежемского района основана в 1706 году. По данным на 1926 год, 41 хозяйство, 209 жителей (112 муж. и 97 жен. пола).

Ян Пепул увез жену убитого Карла в Червянку (Карл делал гранаты, чинил ружья).

Рубцова я видела: небольшого роста, коренастый, лет 38—40, с белыми губами.

В Кежме живет еще один партизан — Лушников Николай Григорьевич».

О Тунгусском метеорите

Афанасия Константиновна Воронова рассказала, что помнит падение Тунгусского метеорита, ей было уже девятнадцать лет: «Когда он летел, осколок упал и ударил в столб сарая Степана Журавлева (ее дядюшки), и столб загорелся. Затушили и нашли сероватый камень, как стрела, тридцать сантиметров, длинный «чертов палец». В воздухе ухало, как из пушек».

Об этом же Петр Семенович Попов, которому было тогда тринадцать лет: «Я боронил на поле у дяди, выше Кежмы в одном километре, на северном, правом берегу. Создалась гроза, вроде как обыкновенная, стрельба, удары как с орудия, а потом будто мелкие выстрелы, как с пулемета. Звуки шли с юга на север, и что-то искрилось. Ни дыма ни темноты не было, а только искрение и как фронтовая стрельба. Дрожали окна, но землетрясения не было».

Егор Николаевич Суздаев, которому в 1908 году было девять лет: «Был с дедом на пашне на Уруконе, что в восьми верстах ниже Кежмы на правом берегу. Спал в зимовье. Часов в восемь разбудил дед: иди за водой, чай варить. Почерпнул воды, вижу — на юго-востоке второе солнце с радужными полосами, промелькнуло в секунду. Я так и упал. В это время поднимались в лодке двое, метрах в пяти от берега — их волной с лодкой вместе выбросило на берег. Темноты и дыма не было. Про то хорошо помнит наш кежмарь (житель села Кежма) Брюханов Лука Гаврилович, который живет в Ванаваре⁴. Ему было тогда двенадцать лет».

А. Ю. Черневский: В ожидании самолета туда и обратно я осмотрел Кежму, дважды прошел ее из конца в конец. Меня интересовала старая, «партизанская» Кежма, а не новая, современная, возникшая на восточной стороне — с аккуратными новыми домами, улицами, постройками. Я внес ряд изменений и дополнений в план Кежмы, набросанный со слов Брюханова Ивана Емельяновича в беседе с ним в моей квартире два года назад (см. кн. 7, стр. 38—58).

На месте бывшего кладбища для бедных, за восточной поскотиной, на правой стороне улицы Гагарина (теперь это центр села) возвышается голубой памятник-obelisk с надписью на черном фоне: «Вечная память партизанам, погибшим в 1919 году в борьбе за Советскую власть». Но было в Кежме, как рассказали мне, и второе кладбище — для богатеньких, тоже за поскотиной, но поближе к деревне, на берегу (справа от дороги на Мозговую) и тоже огороженное заплатами. Было и третье — для избранных — в церковной ограде.

⁴ Ванавара — село в Эвенкийском муниципальном районе Красноярского края.

Словечки кежмарей, отдельные эпизоды и замечания

- Скружаешь, кружаешь — говоришь невпопад, путаешь.
- Кумалан — коврик из камыса (камуса) — шкуры с оленьих щиколоток.
- Панчина — это Паново. Так раньше и теперь называют деревню тунгусы. Именно из Панчины — из села Пановского ездили главные купцы за Подкаменную Тунгуску в Ванавару и Байкит. Сами эвенки ездили за продуктами больше в Чадобец. Попа привозили из Туруханска в санках с балком и печью, в оленьей упряжке.
- Бесёрь — так тунгусы называли бисер.
- Рода, родова.
- Фамилия Петровых происходит от эвенков из Стрелки-Чуни.
- Эвенки заворачивали новорожденных (пеленали) в хребтовую талину, настроганную в виде мочала, а в зыбку насыпали гнилушки (ликопадий⁵).
- Ровдуга — тонко отделанная оленья шкура, идет на оборки, тапочки, рубашки.
- Ехорье — пляска у эвенков. Все берутся за руки и становятся в круг, переступают и поют. В 1908 году перед падением метеорита ехарье танцевали на стойбище где-то около Стрелки, выше Муторая.
- Суглан — это не просто собрание, а более крупное и редкое сборище-сходка, иногда с ехорье. Сугланы проводятся в марте и сентябре общественными организациями. Тунгусы быстро осваивают письмо, а особенно каллиграфию.
- Описание шаманской могилы, осмотренной мною 31 июля 1965 года на правом, северном берегу Чамбы, в 37—40 верстах от Ванавары. На двух столбах гроб-ящик из дранья, без крышки. В нем останки человека, череп и кости, рассыпавшийся бисер, правое плечо еще одето в рукав.
- Унты (рисунок): подошва мехом наружу (камыс), внутри сыромятная сторона, а вверху изнутри цветная тряпица, снаружи — черная и белая клетка в шахматном порядке, называется «била». Все из оленьего камыса. Дымленный камыс не боится влаги.
- В Эвенкии серебристо-черная лисица (черные седые), а не черно-бурые.
- Егор Николаевич Суздалев рассказывал, что кежемский купец-тунгусник Суздалев Карп Иванович после смерти детей уехал в Киренск на Лену, поплыл по Хатанге до Подкаменной Тунгуски и там поставил первую избу, где теперь Ванарава, жил, поехал потом дальше и основал Туру, где жил до революции, а потом уехал в Красноярск.

Дополнения старожила Богучан Василисы Афанасьевны Смолиной к рассказу кежемских партизан

Пайст останавливался в Богучанах у деверя Прасковьи Ивановны Смолиной (значит, у какого-то Смолина?). Приезжал он с отрядом на семнадцать лошадях. Он арестовал в Богучанах и увез волостного писаря Молчанова Николая Александровича.

⁵ Ликопадий — растение плаун, а также порошок, получаемый из спор; употребляется для присыпки преющей кожи маленьких детей.

ДАНИИЛ АНТОНОВИЧ АПАНОВИЧ

Родился в 1894 году (приблизительно).

А. Ю. Черневский: Среди документов архива Иркутского ОК КПСС есть письмо Даниила Антоновича Апановича, адресованное Дмитрию Астафьевичу Василькову, и его рукопись «О подготовке и проведении партизанского съезда в с. Абан и восстании в 1918 г.»¹. Они были переданы в архив сыном Даниила Антоновича О. Д. Апановичем.

В письме Даниил Антонович сообщает, что его отец Антон Адамович Апанович, уроженец Виленской губернии, переселился в Апанскую волость, на участок Байкан в марте 1907 года.

До переезда мать Даниила Елена Мыртыновна и отец батрачили у помещика-пьяницы генерала Рутковского. Оба неизвестно от кого родились. Антона, рожденного любовницей Рутковского (или дворовой), подбросили в овчарню. Воспитали чужие люди, а семнадцатилетним пан взял его в кучера. Антон не ходил в церковь, не молился и не крестился дома.

В Сибирь Антон Адамович приехал с сыновьями:

- Яков Антонович (старший, женился и отделился еще по пути в Сибирь),
- Данило — командир Апанского фронта, в 1907 году было 13 лет (но в 1904-м, как он пишет, ему шел седьмой год!),
- Григорий Антонович, 10 лет,
- Лукьян, 7 лет.

Приехав в Сибирь, Данило сразу стал батраком у кулака Филимона (в революцию 1905 года на родине он уже был пастушком). Как-то зимой, доставая коноплю из озера, он уронил топор, и хозяин заставил нырять в ледяную воду, иначе не даст расчета. Когда он уже был партизанским командиром, партизаны привели пойманного кулака Филимона, который, дрожа от страха, просил не казнить его. «Я не такой паразит, как ты, я красный командир», — сказал ему Даниил.

14 июня 1918 года собрание солдат-окопников в деревне Байкан² выбрало его делегатом на волостной съезд в Абан, созываемый эсерами и буржуазией. Подробности об этом см. в документах от 14 июня 1918 года и от 8 июля 1918 года.

Из рукописи «О подготовке и проведении партизанского съезда в с. Абан и восстании в 1918 г.»: «14 июня 1918 г. в д. Байкан проходило собрание солдат-окопников, на котором присутствовал Апанович Данило, Апанович Яков, Кухаренко Ф.Н., Орулов (Окулов?) Я.И., Петренко И.Л., под председательством Якова Апановича при секретаре Кухаренко.

¹ Архив Иркутского ОК КПСС (ныне Государственный архив новейшей истории Иркутской области, ОГУ ГАНИИО). Ф. 300. Оп. 1. Д. 550 (197). 189 л.

² Деревня Байкан Абанской волости. Переселенческий участок нарезан в 1898 г., заселение началось в 1900 г.

Повестка дня: 1) отношение Абанского волостного правления от 12.VI. 1918 г. за № 48; 2) намечание плана работы и содержание в тайне между своими активистами.

После возвращения со съезда местный крестьянин Захар Волосов, вышедший в прапорщики, стал угрожать: «Ваше место в тайге!» Действительно, Апановича хотели арестовать, но знакомый секретарь (писарь) Абанской земской управы Вольский, получив бумаги, предупреждает его через байканского старосту Антона Коклина, который был свой человек. Он же, Коклин, предупредил однажды, что с Абана идет отряд милиции.

Вооружившись винтовками, группа крестьян под руководством Апановича на конях к реке Байкан вышли, чтобы устроить засаду, но, не дождав-шись там белых, двинулись дальше, к реке Канаря, объехав по зимнику село Апан (в шести верстах от Абана или в двадцати четырех верстах от Байкана). С Байкана выехали часов в девять вечера, а к Канараю приехали под утро и расположились по обе стороны моста. Апанович с несколькими человеками по ту, абанскую сторону моста.

Тихо. Даже не слышно лая собак. Наконец едут два тарантаса, в каждом по три милиционера с шашками, а двое верховых впереди, всего восемь человек. Оказалось, что это не милиция, а золотопогонники. Сошли у моста пить воду и рассуждают: «Еще двадцать четыре версты осталось до Апановича...» Закурили.

Залп. Всех, кроме ямщиков, перебили, винтовки и пять шашек — в реку (Черневский: «Зачем?». — Е. С.).

Однажды в деревне Суздалево наткнулись на офицеров. Здесь к партизанам присоединился местный Витюков Виктор Иванович.

Узнав, что 6 ноября с Абана должен выехать карательный отряд, рассчитали, что он будет ехать три дня (?). Поехали навстречу, заехали в Апан к старосте Антону Егоровичу, что живет на краю (Черневский: «Не тот ли самый Антон Коклин?». — Е. С.). Апанович заехал к нему, чтобы установить ловушку (?).

Апанович бывал в Шамановой у Рукосуева Виктора С.»

Вся рукопись Апановича малограмотная, путаная и бестолковая, ввиду переписки то с Васильковым Д. А., то с Рукосуевым В. С.

ФЕДОР АЛЕКСЕЕВИЧ АНТОНОВ

1887—1961 гг.

» **А. Ю. Черневский:** Из рукописи (машинописная копия) Ф. А. Антонова «История партизанского движения в Неванской, Баерской и Червянской волостях Канского уезда Енисейской губернии. Дополнение к рукописи П. Д. Кривоуццкого „Шиткинские партизаны“, хранящейся в архиве Иркутского ОК КПСС¹ (ф. 300, оп. 1, д. 749, 30 л.). Выписки произведены мною в сентябре-октябре 1965 года.

На листе 2 Ф. А. Антонов к числу участников подпольной организации шиткинских партизан по Неванской и Баерской волости добавляет: Тришкина А.И. (?) — крестьянина с участка Боровинок, Морозова И.Н., матроса, — оттуда же, Никулина Гр. Ивановича оттуда же (это по Баерской волости Нижнеудинского уезда), себя (деревня Балтурина) — политссыльный, матрос, Прохорова И.М. — политссыльный из деревни Ганькиной (оба по Неванской волости).

Указывает на ошибки Кривоуццкого на стр. 26 его книги, где Кривоуцкий называет движение «крестьянским». Антонов пишет по этому поводу: «Я не думаю, чтобы у тов. Кривоуццкого память была девичья, он не мог не знать, что на первом заседании штаба Баерского фронта был первый вопрос: выступаем только за Власть Советов. Правда, и здесь нашлись ставленники Шиткинского штаба Мутовин Гурьян и Бурмакин, которые хотели навязать лозунг за учредилку: «За Учредительное собрание!». Провалившись, они быстро смотались и уехали...

Кроме того, тов. Кривоуцкий тоже не мог не знать, что на первом съезде партизанских отрядов 1 мая 1919 года в деревне Шиткино первым вопросом разбирали текущий момент: «За что мы боремся?». Баерские представители выдвинули лозунг за Советы, а Куприянов, Кочергин и братья Москвитины не согласились и демонстративно ушли со съезда. Баерцев поддержали Швайдецкий, Смолин и другие. Лозунг «За власть Советов!» был принят, и от имени съезда Прохорову (представитель баерцев) было поручено написать воззвание ко всему населению и к партизанским отрядам, что и было сделано. Автор записок и Морозов И.Н. тоже были на этом съезде».

Говоря о панике, вызванной временным отступлением шиткинцев от линии железной дороги, от трактовых сел Конторка — Бирюса, Антонов заявляет, что ее вызвал «сам штаб своим позорным бегством, не предупредив даже баерцев, открыв свободный путь белым в тыл Баерского фронта». Это замечание Антонова относится к стр. 29 книги Кривоуццкого «Шиткинские партизаны».

Вот в чем главная причина разногласий!

«Баерский ВРС (Военно-Революционный Совет), избранный отрядами, отозванный от железной дороги в июне 1919 года (в десятых числах), в составе т. Тришкина — он же командующий отрядами, Антонова — он же командир конного отряда, Прохорова, Брума, Морозова, Никулина и Никитина, вы-

нес постановление: осудить позорное бегство Шиткинского штаба и считать (его) преступлением. Кроме того, было решено командира отряда т. Антонова послать к Нижнеудинску, а по направлению к деревне Шиткиной вести глубокую разведку... а также была организована застава на участке Паренда под командованием Маринского».

Ввиду того что им не удалось установить связь и узнать, где находится Шиткинский штаб и его (главные) силы, они решили отступить до деревни Ганькиной как более безопасного места, оттуда вести глубокую разведку, закрепитесь и выясните положение Шиткинского фронта.

Идет лист 4-й — к стр. 34 книги Криволуцкого. Антонов замечает по поводу конфликта баерцев с шиткинцами (вторая половина июня 1919 года), который произошел после встречи отрядов Антонова и Евдокима Кочергина в Неванке. Он и Евдоким Кочергин договорились, что, несмотря на разброд, Антонов возвращается со своим отрядом по направлению к Нижнеудинску и занимает деревню Бунбуй, а оттуда ведет разведку. Кочергин остается в Неванке и ведет разведку на Тайшет.

Заняв Бунбуй, Антонов сам лично с частью отряда выехал на разведку к Нижнеудинску, оставив за себя Баженова Даниила Ивановича. В деревне Каменка¹ (чунская Каменка) встретился с казаками, где и завязался бой, т.е. перестрелка. Партизан Иванов, испугавшись, бежал, загнав по дороге лошадь, и сообщил Баженову (в Бунбуйе), что Антонова окружили триста казаков. Баженов со штабом и партизанами бежит в Неванку и тут встречается с Константином Москвитиным (Зверевым), здесь и возникает конфликт.

В действительности ситуация с Антоновым была такова: потеряв в перестрелке разведчика Кошкарева, он вернулся благополучно с остальными ранеными разведчиками Дигаевым (вероятно, Жигаевым?) и Станкевичем и привел казацкую лошадь, оставленную одним казаком. Еще под Неванкой обезоруженные Зверевым баерцы встретили своего командира и сообщили ему, что здесь произошло. Собрали совет командиров, на котором было решено вернуть баерцам оружие и лошадей, но К. Москвитин не выполнил это постановление в Неванке. В Выдрино было очень бурное собрание в школе, где обсуждались все эти вопросы: о позорном бегстве Шиткинского фронта и разоружении баерцев.

Начало работы баерских подпольщиков. Лист 14-й из новых дополнений. Собрание баерских подпольщиков состоялось в волостном правлении, и был создан 1-й отряд во главе с Морозовым И.Н., Никулиным Гр. Ив. и Тришкиным Алексеем Павловичем. Тришкин (начальник штаба) остался в Баере, а остальные выехали по деревням и участкам для вербовки. Но реальное началось только после восстания 6-й роты. А до этого ничего не было!

Вот как произошло восстание 6-й роты (ф. 300, д. 740, оп. 1, в деле есть фото Антонова).

¹ Деревня Каменка (деревня Чунская). По переписи 1921 г., 48 хозяйств (34 старожильческих и 14 переселенческих), 294 жителя (148 муж. и 146 жен. пола).

«Деревня Балтурина² (Одрино). Офицеры 6-й роты, остановившиеся в доме Селиверста Рукосуева (Селиверст Рукосуев — Емельяновский) (Черневский: «Нет, не в доме Селиверста, в Балтуриной не ночевали!». — *Е. С.*), всю ночь пьянствовали и под утро крепко спали. Фельдфебель ожидал в коридоре приказа собирать роту. Горнист сыграл сбор. Нехотя потянулись солдаты на площадь к школе, становясь в две шеренги. Знавшие о заговоре искали глазами Боброва и Зосимовича. На левом фланге были приготовлены подводы. Зосимович, обходя строй, опрашивал, нет ли больных, а сам тайком подбадривал: «Все готово!». Фельдфебель, пересчитав ряды, доложил ротному, козырнул: «Все в сборе!» Комроты скомандовал: «По три человека на подводу, садись!».

В это время грянуло сразу пять выстрелов. Кони рванули, четыре офицера замертво упали на снег, взлетели с оконных карнизов чирикавшие мирно воробьи. Один офицер и фельдфебель бросились бежать по улице. Чуть ли не все солдаты бросились за ними в погоню. Офицера добились под яром у реки, а фельдфебель забрался в завозню, стал отстреливаться и ранил одного солдата в плечо (Черневский: «Саньку Подвинуцкого!». — *Е. С.*), но тот, уже раненый, приколоч его штыком. Жители, не поняв в чем дело, стали прятаться кто куда. Зосимович стал строить солдат: «Смирно! У нас теперь один путь — к партизанам, в отряд народных мстителей».

Кто-то предложил связаться с ссыльными в Ганькиной, где был Антонов и Прохоров, а это верст двадцать от Балтуриной».

Идет лист 9-й (ф. 300, оп. 1, д. 740). Поехали в Ганькину, сам Зосимович с группой солдат. Узнав, что Антонов и Прохоров ушли в тайгу, послал на их розыск, в деревне выставили посты. Те, ничего не зная, вместе с пятью мужиками пили чай в мельничной избушке. Вдруг залаяли охотничьи собаки — лают в направлении к деревне. Вышли, слышат скрип полозьев саней, решили, что это каратели идут за ними, — и на лыжах в лес, в чащу. Остановившиеся у избушки, узнав в чем дело, стали звать их, кричать. Оказалось, приехал один крестьянин деревни Ганькиной Иван Брюханов («Кириллович», — дописано позже Черневским. — *Е. С.*). В его санях поехали в Ганькину. Там пост: «Стой, кто идет?» Пропустил. Приехали (куда приехали — в Ганькину или Одрину, по рукописи не ясно). Созвали совет командиров взводов и актива на котором решили послать Антонова с отрядом (?) в разведку к Нижнеудинску и делегацию в Шиткину (см. документ от 23 марта 1919 года), после чего собрали общее собрание роты (см. также документ).

Идет лист 10-й. Посланная к шиткинцам делегация встретилась с ними на Шухаревой горе, что в десяти верстах от Шиткиной.

(На листе 6 есть подробности: когда до нижнезаимского штаба дошли слухи о движении роты, послали отряд для встречи, Шиткино поднялось, к Нижнезаимскому отряду присоединились еще многие. Здесь собирали пилы, топоры, чтобы завалить тракт, все это бросили на подводы. Везли с собой за-

² Деревня Балтурино (Одрино) Неванской волости. По переписи на 1921 г., 58 старожильческих и 8 переселенческих хозяйств, 379 жителей, в т.ч. 177 жен. пола.

пас продовольствия. На листе 7 говорится, что начальниками обороны были Гурьян Мутовин и Бурмакин М. Стали рыть окопы, бегая греться в мельничную избушку, стоявшую недалеко от дороги.)

Бурмакин и Мутовин узнали в крестьянине знакомого, послали донесение в штаб фронта. «С приездом 6-й роты был организован Шиткинский штаб фронта», — пишет Антонов, противореча сам себе в желании умалить значение Шиткинского штаба и его руководящую роль в движении баерских партизан.

Ф. 300, оп. 1, д. 749, л. 14. Здесь Антонов пишет, что после прохождения 6-й роты Баер был неузнаваем, везде часовые, въезд свободен, а выезд только по пропускам начальника отряда Тришкина. Когда Шиткинский штаб прислал баерцам для подкрепления один взвод 6-й роты во главе с Бобровым и Гурьяном Мутовиным, создали штаб, в который вошли Тришкин, Антонов, Морозов, Никулин и Попов (Прохоров?). Шли обозы с теплой одеждой и пополнением партизан, добровольцев, припасы, оружие. Началось военное обучение.

Первый приказ штаба гласил:

1. Начальникам штабов (?) и командирам отрядов собрать свои отряды и подготовиться к выступлению.

2. Шипицинскому отряду («Отряд Морозова», — уточняет Черневский. — Е. С.) выступить по направлению к Нижнеудинску и остановиться в казачьей станции Укар.

(Лист 15-й.) Киевскому отряду («Отряд Антонова», — уточняет Черневский. — Е. С.) выступить по направлению к станции Алзамай и остановиться на участке Киевском.

Как тому, так и другому делать глубокую разведку в место расположения белых, всячески задерживая продвижение белых на запад (?), вступая с ними в бой.

3. Начальникам штабов держать систематическую связь со штабами фронта, доносить о всех мелочах.

4. Штабу фронта и хоз. части с мастерскими передвинуться в деревню Костину.

Первая операция: в одну из темных ночей девять смельчаков (Антонов, Житаев, Кошкарев, Иванов, Бурмакин и др.), обойдя на лыжах стороной станцию Алзамай, окружили лесничество, взяли двадцать пять лошадей с полной упряжью, нагрузили воза овсом, крупчаткой и благополучно уехали.

Эта победа — заслуга Киевского отряда!

Описание боевых эпизодов (ф. 300, оп. 1, д. 749, л. 16).

В Киевском отряде под командованием Антонова был отряд лыжников из двадцати пяти человек, вооруженный несколькими трехлинейками, двумя берданами старого образца, одним револьвером и дробовиками. Белые не раз пытались наступать на Алзамай по этой дороге, но всегда отбрасывались назад с большими для них потерями.

Однажды вышли на пятую версту от станции Алзамай и разобрали пути, отошли в сторону и стали наблюдать. Развели костер, кипятят в котелка чай. Одного направили к линии, к повороту, он и увидел: медленно движется броневик. Подал знак, а сам запетлял в укрытие. Партизаны подтянулись,

укрылись за деревьями. Сам Антонов, укрывшись за сосну с трехлинейным карабином, взял наизготовку. На броневике заметили лыжню и остановились. На площадке броневика стоял чех. Антонов выстрелил. Броневик открыл ураганный огонь из «максимов» по сосновому бору. Партизаны стреляли по амбразурам броневика. В этой операции участвовал Жигаев и др.

Весенней ночью пробрались тайгой к Разгону. На четвертой версте от Алзамая разобрали полотно, расширили рельсы, а сами залегли по обе стороны разобранных путей. От телеграфиста станции Алзамая знали, что из Иркутска идет казачий эшелон. Некоторые уснули. Не спали только Антонов и его ближайший товарищ Жигаев (впоследствии умер на руках Антонова). Паровоз врезался в землю, клюнул, дежурившие на передней площадке казаки свалились как снопы. «Набегая одна на одну, теплушки сплющивались в лепешку и падали под откос».

Это было 1 июня! См. документ № 16, стр. 180, в книге «Партизанское движение в Сибири»: «Из сводки. 1—3 июня 1919 г. Район ж.д. линии Алзамая — Тайшет — Канск. 1 июня чехословацкой разведкой, высланной по тракту из ст. Тинская, обнаружен на 4-й версте кавалерийский большевистский патруль, который при приближении нашей разведки скрылся. В тот же день у разъезда Разгон на 1226-й версте сошел с рельс русский поезд, шедший с амуницией (развинчены рельсы), после чего он подвергся обстрелу большевистского отряда в число 10 человек, которые огнем охраны поезда разогнаны. Разбито 8 вагонов, три американских вагона опрокинулись. 3 июня у ст. Худоеланской большевиками разобран путь, вследствие чего сошел с рельс паровоз поезда № 21».

Идет лист 18-й. Разведка во главе со Станкевичем Ан. Ивановичем заметила, что по тракту к Нижнеудинску движется отряд, впереди двадцать пять разведчиков во главе с офицером, гарцующим на коне. Беляки громко разговаривали и смеялись. Устроили засаду. Когда белые поравнялись с ней, Станкевич выстрелил в золотопогонника, и тот свалился с коня. Открыли огонь и другие партизаны. Было убито четырнадцать беляков. Остальные бежали к основным силам. Наступление не повторилось. Это было возле деревни Каскат, под самым Нижнеудинском (но когда это было?).

В это же время отряд белых наступал с Алзамая на Киевский участок. Это было весной во время цветения черемухи (см. документ).

Идет лист 19-й. Сидевшие без дела в засаде партизаны (знали, что на станции накапливаются силы) пошли к реке Топорок за водой для чайку. Начались споры: идти к станции — ломать рельсы, рвать связь и т.д. Часовой у моста сообщил, что идет конный отряд с Алзамая. Расположились вдоль речки Топорок. Белые остановились в полуверсте, послали к мосту пешую разведку и уже повернули обратно, как грянул выстрел. Белые отступили без единого выстрела, оставил несколько убитых и разбежавшихся лошадей. Партизаны взорвали мост через Топорок. Белые, восстановив его, написали записку: «Краснокожие! Скоро вас настигнет участь тех, что висят на телеграфных столбах. Бросай оружие и переходите к нам. Всех, кто будет продолжать борьбу с правительственными войсками, ждет голод, разорение хозяйства и смерть». Партизаны написали ответ: «Продажные белогвардейские шкуры! Не запугать вам нас.

Мы не сложим оружие до тех пор, пока ни одного из вас не останется в живых. За поджоги, порку и виселицы вы ответите сполна».

Идет лист 20-й. Продолжение ответа партизан: «Мы ждем вас за каждой сосной. Наша пуля бьет без перевязки. А скоро обрушится на ваши головы меч, который занесла над вами Красная армия, так что от вас останется мокрое место».

Упоминание о повешенных связано с тем, что перед этим на 5-й версте остановился поезд, следовавший с запада, от Алзамай с арестованными. Белые вывели семь человек и повесили на телеграфных столбах. Это их могилы на южной стороне линии Тайшет — Алзамай.

Ф. 300, оп. 1, д. 611 — воспоминания Антонова о Баерском отряде Шиткинского фронта на четырех листах. Лист 1-й: «Перед наступлением на баерских партизан со стороны колчаковцев штаб фронта находился на Костиной, а хоз. часть и центр связи — в станице Укар. Здесь же в Укаре расположился отряд Морозова Ивана Тимофеевича (Черневский: «Никитича». — Е. С.). Отряд был разбит на несколько групп, действовавших на линии Камышет — Ук — Нижнеудинск. Была тесная связь с железнодорожниками, от которых получали сведения.

Совместно действовавшие группы Станкевича и Волынского обстреляли недалеко от станции Ук поезд Гайды, убив семнадцать человек в поезде и ранив семь человек (Черневский: «Но Гайда мог ли проезжать в это время? Он был отрешен в июле 1919 года, когда баерцев уже не было в районе Нижнеудинска». — Е. С.).

Антонов пишет, что в это время «сибирский мороз донимал до костей». Выдумка!

Станкевич и Волынский весенним утром подошли с разных сторон к водочаке на станции Камышет. Станция по южную сторону линии, маленькое желтое деревянное здание со шпилем, обитое вагонкой. Водонапорная башня сзади, наполовину из серого камня, а верхняя часть деревянная, желтого цвета, как и вокзал, с навесом-грибом, как фанза. Шли с западной стороны через реку Камышетку и километровое болото, откуда белые никак не ожидали. Партизаны без единого выстрела взяли в плен всю караульную команду вместе с их капитаном и оружием. После чего многие заболели «кумушкой» (лихорадкой).

Идет лист 2-й. Однажды Станкевич со своим отрядом зашел в деревню Камышет заготовиться продовольствием. Расставили часовых, остальные разошлись по избам пить чай. Ординарец сообщил, что в деревне появился какой-то военный и направился к часовому в конце деревни. Выбежав на улицу, партизаны увидели, что военный стоит за амбаром и роется в кармане. Заметив их, бросился бежать. Станкевич пристрелил его из карабина. У него нашли документы и список — семьдесят пять человек — на арест. Это был начальник сыска Томской железной дороги (???)

Гонцы из Нижнеудинска сообщили, что белые готовят наступление на Укар. Станица перебралась в военный лагерь. Чистили оружие, копали окопы. Отряды Станкевича и Гусева («Ивана», — дописано Черневским позже. — Е. С.) вели непрерывную разведку в сторону Нижнеудинска.

Идет лист 3-й. Это было ранней весной. Разведка стояла у Золотого ключа на Кирпичной горе, откуда видать на несколько верст по тракту в сторону Нижнеудинска. Часовой сообщил о появлении пяти верховых, а за ними целый конный отряд человек в пятьдесят. Партизан было двадцать один человек. Решили принять бой, послав донесение в штаб к Морозову в Укар. Выслали помощь — отряд Гусева. Группа Станкевича, пропустив пять верховых, открыла огонь по сравнявшемуся конному отряду, и четырнадцать беляков сразу свалились с седел, а пятнадцатый, раненый офицер, ускакал. Остальные 30—35 человек спешили и залегли в кювете с противоположной стороны тракта.

«Первый батальон с правой стороны, второй с левой — в атаку!» — дает команду Станкевич. Волынский подхватывает: «Вперед!», и начал перебежку. За ним другие. Несколько человек залегли и открыли огонь вдоль кювета. Белые побежали в тайгу. Партизанам досталось семнадцать лошадей, оружие, патроны. Они не знали, что сзади следовал пеший отряд белых человек 200—250, который услышал стрельбу и, увидев панически прискакавшего раненого офицера, так же панически бежал в Нижнеудинск. Гусев со своим отрядом подошел, когда бой уже кончился (Гусев Иван Семенович, шипицинский).

Ф. 300, оп. 1, д. 749, л. 20. Отступление Баерского фронта. Приказ о наступлении на баерских партизан подписал начальник гарнизона Нижнеудинска полковник Гофман. Более тысячи белых шли с Алзамая на Киевский участок — Костино и с Нижнеудинска по тракту. В Укаре стоял Шипицинский отряд под командованием Морозова Ивана Никитича. Партизаны залегли в окопах. В бою пал один Никулин (?). Отступили за Уду. Штаб послал нарочных в Киевский и Шипицинские отряды («Шипицинский» позже зачеркнуто Черневским. — Е. С.) с распоряжением об отступлении, а сам с хоз. частью и мастерской отошел в Баер. Об отступлении шиткинцев еще не знали.

В Баере реорганизовали штаб в РВС и решили слить все отряды в один под командованием Тришкина с подразделениями на конницу (Антонов) и пехоту. В РВС вошли Морозов, Никулин (?), Никитин, Тришкин, Антонов и еще двое, всего семь человек (очевидно Баженов, Брум, Страус) (дописано позднее Черневским: «Прохоров». — Е. С.).

Конный отряд Антонова послали в разведку к Нижнеудинску, но скоро его пришлось отозвать из-за оживления деятельности кулаков и начавшегося разложения в отряде.

Лист 21-й. Вскоре одна женщина сообщила: «Вы тут базарите, а там белые идут», — указала рукой в сторону тракта. Послали конную разведку, которая подтвердила, что идут триста белогвардейцев и уже остановились на ночевку в деревне Костиной.

Отряд отступил к деревне Ганьковой, что на правом берегу реки Чуна, у горы Кирен. Переправа через паром. Но не ясно, пошли туда или нет, во всяком случае, созвали здесь военное совещание и ввиду отсутствия сведений о шиткинцах, решили идти в Тасеево, назначив командующим всех отрядов Антонова. Встретились в Неванке с Евдокимом Кочергиным. Здесь решили ждать прибытия отрядов с Ангары и из штаба. Вскоре прибыл конный отряд Ивана Смолина и отряд К. Москвитина со своим штабом.

Далее Антонов пишет о собрании в деревне Савиной, которое он именуется «объединенным собранием Шиткинского и Баерского фронтов», состоявшемся якобы в школе. Ничего интересного и нового в этом описании нет. См. здесь стр. 71 и протоколы.

Идет лист 22-й. Командировка на Ангару. Антонов пишет, что он был командирован на Ангару «по эвакуации оставшихся отрядов партизан и одиночек, а также и имущества, конфискованного ранее у ангарских купцов и тунгусников». В Червянке встретил Красикова из отряда Яна Пепула, стоявшего во Дворце. Он ехал на связь в Шиткину, но встретился с Антоновым на Ангаре.

Далее у Антонова дополнения к рукописи П. Д. Криволицкого «Шиткинские партизаны» (ф. 300, оп. 1, д. 749).

Лист 5-й. К стр. 38—39 рукописи П. Д. Криволицкого.

Первая половина июля. Во Дворце застал отряд Пепула совсем разложившимся, занимавшимся грабежами. Даже у самого Пепула партизаны под угрозой расправы требовали выдачи конфискованных им у буржуазии денег, тот выдал. Пепул готовился к отплытию вниз по Ангаре, т.к. утратил связь со штабом и думал, что фронт разбит окончательно. В его отряде было семеро старых ссыльных, которые не раз писали в штаб, что Пепула оставлять во главе отряда нельзя, но ответа не было. Отряды сразу слились и создали РВС во главе с Баженовым, Антонов остался во главе конного отряда. Стали наводить порядок, пока не услышали о прибытии «карательного отряда Бурлова», как они его называли. В это же время перехватили из Кежмы бумажку от белогвардейского отряда о том, чтобы население высылало представителей от деревень для организации земства.

Лист 6-й. С тем же нарочным послали свое распоряжение: «Всем верховским деревням Ангары приготовить продовольствие на 200 человек и фураж на 100 лошадей, а также квартиры». Начали готовиться к походу на лодках, но тут прибыл отряд Бурлова. Антонов обвиняет в расхищении имущества караульную команду Горяева и Громова. Говорит, что после прибытия Бурлова во Дворец он, Антонов, не раз получал распоряжения штаба о том, чтобы возвращался, но не подчинился, наученный горьким опытом разоружения их отряда.

В Червянке, когда начали (Антонов) учет имущества, караульная команда заупрямилась и запротестовала. Баженов их арестовал и силой оружия заставил сдать и отчитаться. Сдача по ведомости состоялась, команда была обезоружена и отпущена, так как не хотела оставаться в этом отряде, а прибыв в штаб, подняла панику и «наговорила гору ужасов».

По заявлению Антонова товары следовало отправить на Тасеевский фронт вниз по Ангаре, но потом было получено новое распоряжение — об отмене и возвращении товаров в Березову, а также всего отряда. Он якобы хотел выполнить этот приказ, но отряд не согласился, и тогда он направил трех человек с товарами в Березову из Червянки, а сам ушел на Ангару. В Березовой всех арестовали, но на второй день они сбежали к Антонову и сообщили, что идет Бурлов.

О предписании Бурлову разоружить баерцев Антонов пишет: «...но этого Бурлов не сделал и не мог сделать, так как мой отряд был намного сильнее и лучше вооружен».

Идет лист 7-й. «Бурлов, прибыв во Дворец, был выпивши изрядно, а его солдаты, напившись, отобрали у одного крестьянина гармонь». В описании встречи с Бурловым у Антонова сквозит высокомерие по отношению к нему.

«Для справки, кто же был в отряде баерцев: Антонов (политкавторжанин, матрос), Баженов Д. (казак, работавший в Нижнеудинске в подполье), Страус, Марнинский (политссылный), Брум и семь старых ссыльных, присоединившихся из отряда Пепула, — вот головка, которая руководила и наводила порядок, а штаб не мог понять и не видел, что делается вокруг его». Эти воспоминания, написанные Антоновым 14 апреля 1935 года (Партархив ОК КПСС, ф. 300, оп. 1, д. 749, л. 71), опровергают некоторых историков, безответственно утверждавших, что Брум и Страус прибыли с Бурловым.

Лист 23-й. «Трофей тарской роты». До Ангары 110 верст. Путь белых был с Алзамай на Костино — Баер — Мироново — Чукша с целью выйти на Ангару у Николаевского завода. Был направлен сформированный из разных частей конный отряд Шалыгина Н., который шел из Балтуриной с проводниками через хребет, чтобы перехватить их за Чукшей. Сорокаградусный мороз, и снег коням по брюхо. По обе стороны лога высокие горы. Эта гора у лога называется Таежная. Сделали снежные окопы (укрытия). Белые показались рано утром, в саях. На саях пулемет. Весь отряд был истреблен. В живых осталась одна женщина, жена полковника, которая очень понравилась Шалыгину.. (Воспоминания, записанные 22 февраля 1934 года.)

Отдельные эпизоды и замечания

• «В Тайшетский Ревком в начале 1920 г. штабом Шиткинского фронта из Н.-Удинска были командированы учредилорцы Куприянов, Мутовин, Галло». Антонов и Морозов в это время работали в Тайшете комиссарами продовольствия. Их поставил на эту должность политотдел 30-й дивизии» (Ф. 300. Оп. 1. Д. 749. Л. 3).

• «На ст. Алзамай белые сожгли дом партизана Бурмакина, а его отца и мать увезли и повесили» (Там же. Л. 19).

• «При штабе Шиткинского фронта был организован агитационный отдел фронта, куда входили Брюханов, Морозов, Швайдецкий, Антонов, Кепул, Попов и др. Вот при этом-то агитотделе и была организована партийная ячейка, которая издавала газету. Члены ячейки выезжали по деревням, вели массовую работу и организовывали ревкомы» (Там же. Л. 21).

• «Нравы и обычаи чунарей. Ругались только «лесной» и «варнак», не матерились. Носили зимой шубу, летом зипун. У мужчин — бродни, у женщин — чирки с опушками. Выпивать любят все возраста. Курят трубки, кладут табак за щеку. Гостеприимны, приветливы и памятьливы, любят поспорить о собаках, лошадях, похвастаться. Любят конские бега, а то и сами побегать. Париться веником любят, а мыться нет. Нагреют маленько воды и ладно. Но избы чистые! Полы скребут. Религиозностью не отличаются. Ходят в церковь по привычке, а дома почти не крестятся» (Ф. 300. Оп. 1. Д. 740. Л. 4).

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ ВЕРЧЕНКО

**Бывший политссыльный,
активный участник партизанского движения.
Билет политкаторжанина № 1486,
партийный билет № 1669873,
билет красного партизана № 32015.**

А. Ю. Черневский: В партархиве Иркутского ОК КПСС хранится рукопись И. В. Верченко «Воспоминания об организации и деятельности Шиткинского фронта», его личные документы 1918—1920 годов (ф. 300, оп. 1, д. 622 (по-старому 242), 27 л). Домашний адрес Верченко в 1936 году: г. Днепропетровск, Октябрьский пер. 6, кв. 33. «

Выписки сделаны мною в сентябре-октябре 1965 года.

Белочешский мятеж застал Ивана Васильевича Верченко в Канске, где он работал вместе с Швайдецким на механическом заводе. Он бежал (а вслед за ним и Швайдецкий) и по пути случайно встретился с представителями Червянского общества потребителей, которые предложили ему у себя место счетовода. Приехал в Неванку, где председателем был Афанасий Емельянович Рукосуев, сын местного купца и скупщика пушнины Рукосуева Емельяна Никитича (Емельяновские).

Лист 2-й. Зашли в волость, где находилось человек десять — двенадцать богачей. Они попросили ехавших с Верченко председателя потребиловки Афанасия Коновалова и червянского писаря Богдановича рассказать новости. Верченко отозвался о перевороте как о случайном явлении, сказав, что народ, мол, разберется что к чему. За это его хотели арестовать, но обошлось.

В Червянке застал бывших политссыльных и вместе с ними стал проводить работу. Из местных примкнули: Пустынских Аверьян Иванович и его брат, Пустынских Андрей Иванович (партизан, убитый в Ганькиной в июне 1919 года), а также приехавший в августе 1918 года приискатель, слесарь Мохначев (Черневский позже: «Георгий Федорович». — Е. С.).

Уже в конце августа или в начале сентября в Червянку прибыл белогвардейский отряд из восьми человек для мобилизации в Белую армию. Однако большинство мобилизованных разбежалось. К этому времени Червянский волостной исполнительный комитет был ликвидирован, вместо волисполкомовского писаря Богдановича был избран писарем волостного правления крестьянин Брюханов Абакум, проявивший с первых дней усердие в служении новой власти: составил список заподозренных в большевизме, в котором на первом месте стояли Верченко, братья Пустынские и Мохначев. Впоследствии этот предатель был убит партизанами.

Лист 3-й. Брюханов даже арестовал несколько человек, но те его избili и ушли в тайгу. Вскоре он сам поехал с доносом, но его по пути перехватили и убили партизаны как врага и шпиона. Ехавшие вместе с ним председатель потребиловки Афанасий Коновалов, кулак Лука и приятель писаря фельдшер успели убежать (Черневский: «Фельдшер Переяславцев». — Е. С.).

На волостном сходе выбрали председателем Мохначева, а секретарем Ковалева. Волостной съезд постановил «всеми средствами бороться за власть Советов». Тут же началась запись добровольцев в партизаны. Записалось пятнадцать человек, в т.ч. Верченко. Съезд постановил дать на организацию фронта несколько десятков голов скота, 100 пудов хлеба, 2 пуда пороха и 2 пуда свинца, обувь, одежду и часть боеприпасов.

«В Шиткино мы двинулись большим обозом, нас провожал почти весь волостной съезд и местные жители. Волостной съезд дал мне полномочия представителя от Червянской волости». (У Агалакова на стр. 23 говорится, что «собрание гласных Червянской волости, сост. 31.III. — 2.IV.1919 г., избрало новое правление, председателем волостной земской управы был избран коммунист Кошкарев И.А. Собрание решило установить твердые цены на хлеб, определенную плату за труд, послало делегатов на Шиткинский фронт для осведомления. В дальнейшем земская управа была заменена Волостным Советом, работавшим под руководством Шиткинского Военно-Революционного штаба».

А на стр. 37: «27 июля 1919 состоялось волостное собрание Червянской волости. На нем присутствовало шесть председателей сельских Советов и одиннадцать гласных от шести сельских обществ, председателем вновь созданного волостного Совета был избран Н.К. Пустынских. А 15 сентября на его заседание прибыло двадцать пять уполномоченных от пяти обществ волости. Съезды трудящихся Червянской волости собирались в ноябре и декабре 1919 г.» (Канский государственный архив. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Л. 4, 12, 13, 27, 59, 60).

Лист 4-й. На этом листе он ошибочно называет Свенского Вячеславом, Бычкова Андрея — членом Тайшетского Совета, а в качестве организаторов восстания 6-й роты Зосимовича и Биброва, как и Антонов. Верченко пишет: «Приблизительно к этому времени в Тайшете существовала особая группа меньшевиков и эсеров под руководством Слизского... Группа носила название «Единство», члены ее: Дисков, Степанов, Чайковский, Павлов, Кочергин Иван, его отец Николай, Куприянов и др. Все они за учредилровку, часть из них потом примкнула и работала на Шиткинском фронте». Но он ошибается в том, что называет Слизского, который в действительности уехал из Тайшета в Канск еще осенью 1918 года.

На листе 5-м в числе лиц, которые к приходу 6-й роты вели по реке Чуна подготовку к восстанию крестьян, он назвал политссыльных Прохорова и Антонова, Брума, а также местных жителей Тришкина (старший унтер-офицер), Морозова (матрос Балтийского флота), Никулина (младший унтер-офицер), а организаторами 1-го партизанского отряда в Баерской волости — Тришкина, Морозова, Никулина (то же пишет и Антонов в своих воспоминаниях).

Лист 6-й. Здесь Верченко пишет о баерцах, что в штаб фронта вошли: Тришкин (начальник), Прохоров, Никулин и Брум. «Фронт состоял из двух отрядов: 1-го Шипицинского во главе с Иваном Морозовым и 2-го Киевского (Антонов)». Однако автор воспоминаний много путает, относя организацию Шиткинского фронта в зависимость от Баерского, называет «Шелаевский отряд Бича», «Конторский Кривоуцкого» и т.п.

«Штаб Шиткинского фронта был избран в следующем составе: начальник штаба тов. Кочергин Евдоким (сын богача), члены Швайдецкий, Бич, Кепул

и др. Командующий фронтом тов. Москвитин Костя... В штабе коммунистов было мало, больше было меньшевиков, эсеров, а также неопределившихся».

Лист 8-й. Сообщает, что, будучи в Кадарее по мобилизации и другим делам, едва не был расстрелян членами своей же комиссии анархистствующими Гурьяном Мутовиным (Антонов называет его учредителем) и Николаем Мутовиным — за то, что восстал против самогона.

Лист 10-й. Поездка на Ангару. «В июне 1919 г. я был командирован штабом на Ангару, где оперировали наши отряды Пепула Яна, Смолина и Кости Москвитина (см. док. от 13 июня 1919 года № 363). Приехав утром в 4 часа в Паново, он застал эти отряды спящими. Никто не спросил, кто он и зачем пожаловал. «Где командиры?» — спросил он у встретившегося патрульного или часового. «Вон в том доме!» — ответил благодушно беспечный часовой.

Там вповалку спали Костя Москвитин, Ян Пепул, Евдоким Кочергин. На замечание Верченко ответили, что Рубцов бежал без оглядки и бояться им нечего.

Переговорив с командирами и поставив их в известность о тяжелом положении на нашем главном фронте, я передал пакет из штаба об отзыве отряда Кости Москвитина и Кочергина; оставив для заслона отряд Пепула, уехал обратно».

Верченко относит посещение Пановой к 15—16 июня 1919 года, но по всей вероятности это было днем или двумя позже.

Лист 11-й. «Вслед уехал и отряд Москвитина, а через час после отъезда отряда, 15—16 июня, Рубцов, обойдя тропами по тайге, напал на отряд Пепула и обратил их в паническое бегство... Сам Пепул с небольшой частью отряда еле ушел до деревни Кежма, но не мог найти лодок, и лишь за Кежмой нашел две лодки, в которых уплыл с пятнадцатью партизанами, оставив на берегу часть опоздавших партизан и не могущих уплыть за неимением лодок — они бросились спасаться в тайгу».

Лист 12-й. С приходом на Ангару Антонова, его и Пепула отряды объединились и избрали ВРС Приангарского края. Председателем ВРС был избран Баженов, членами Брум, Страус, а начальником отряда Антонов. (Вот еще подтверждение что Брум и Страус пришли на Ангару не с Бурловым!)

Лист 7-й. Видно, что Смолин ушел из Баншиковой с двадцатью пятью конниками.

1-й Приангарский отряд Пепула встретился с Баерским отрядом анархиста Антонова в одиннадцать человек во Дворце. Пепул и Антонов после прихода Бурлова бежали в Шиткино.

Баженов — казак-разведчик, перешедший к баерцам со своим братом (лист 11-й; а Антонов говорит, что Баженов работал в нижеудинском подполье, а он, Антонов, был на Ангаре не начальником всего отряда, а командиром конного отряда).

Из имеющихся в деле документов видно, что Верченко 25—26 сентября 1919 года был избран членом-секретарем Кежемского волисполкома, 4 октября направлен в село волости в командировку, а в начале марта 1920 года выехал на родину, как он пишет (л. 17-й), «был направлен в распоряжение Полтавского губернского революционного комитета» (см. док. от 13 июня, 25—26 сентября, 4 октября 1919 года, 8 марта 1920 года за подписью тайшетского предревкома Шинкаренко).

ИВАН СТЕПАНОВИЧ ЛАДЧЕНКО

**Сын казненного в 1919 году белорумынами
крестьянина-подпольщика Степана Михайловича Ладченко.
Беседа состоялась 2 декабря 1965 года**

А. Ю. Черневский: Иван Степанович рассказал, что приехал в Сибирь с родителями, когда ему шел второй год — в начале 1910 года. Отец родом из Киевской губернии, но незадолго до переселения в Сибирь работал («служил») в Харькове. Оттуда семья выехала по письму ранее переселившегося тестя Горобца Григория. Тесть и теща были живы, но вскоре теща отца, а его бабушка (Ладченко Агафья Григорьевна) померла.

Загородников и другие говорят, что дед Григорий Горобец в 1919 году был жив и жил с дочерью Матреной и Давыдом Кравченко. Уточнить. После казни Д. в их дом перебрался Мартын! (Мартын Григорьевич Горобец).

В войну отец служил где-то на востоке и вернулся года за два до партизанщины. Семья: мать Агафья Григорьевна, старший сын Иван (рассказчик, который и был за хозяина в отсутствие отца), Григорий, 1910 г.р., Екатерина, лет пяти-шести, Анна, 1915 г.р. «Дом у нас стоял уже свой, отец сам строил, а когда вернулся из армии, купил лошадь».

И. С. Ладченко: В заваруху собирались по домам, обсуждали — Бельницкий, Крячки, Негриенко Федор и Демка, мой отец. Решили собирать оружие, готовить припасы и выбрали старшего — «Выберем фельдфебеля!». Вот этим отец и занимался, снаряжал обозы с продуктами и припасами, которые везли к линии и там передавали связным. Однажды ездил сам в Конторку, участвовал в ломке пути и спуске броневика у трубы — все эти операции проделали авдюшинские крестьяне, после этого повесили Ивана Марчана. Его сторожка была внизу, под насыпью, на этой стороны от трубы. Отец же посылал надежных людей с пилами заваливать дорогу из Тайшета через заимки. Это летом после отступления фронта.

Предатель К.Д. был громадного роста, здоровый. Он был сослан с Украины как уголовник за ограбление церквей, попался на девятой церкви. Конфликт у него с отцом начался давно. Отец был честный и не любил свояка-вора. К. был грамотный, и отец тоже. Давыду не нравилось, что при «законной власти» верховодит в деревне мой отец. И ходили слухи, что К. грозился: я этого своячка-фельдфебеля определю вместе с его дружками.

В памятную ночь залаял наш черный кобель Жук (на привязи никогда не был). Лаял долго. Отец немного глуховат, а мать услышала и говорит: «Ты, Степан, вышел бы на улицу, что-то кобель дюже лает». Отец вышел, никого нет, ничего не слышать. Мы, ребята, спали на гумне и слышали, что выходил отец, но тоже ничего подозрительного не слышали. Потом братишка встал отлить и говорит: «Иван, кто-то по огороду ходит». Я поглядел — и верно, кто-то пробежал. Я в избу и говорю матери: «Мам, у нас кто-то в огороде ходит». «Да, наверное, огурцы воруют», — сказал отец.

Я снова ушел спать. Из рассказов знаю, что между матерью и отцом был такой разговор. «Что-то не спокойно у меня на душе, сердце болит», — сказала мама. «Самому не по себе, чувствую что-то нехорошее», — ответил отец. «Ты бы собрался да ушел куда». «Да ничего», — и опять лег в постель.

Стало светать. Вошли три румына с винтовками: «Собирайся!» Отец надел брюки, потянулся за рубашкой, а румын тычет его штыком: «Иди, иди!» Так и ушел в нательной рубашке (у него под подушкой лежал револьвер). «У партизан, барсука!».

Крячки в это время за деревней, в лесу, у реки гнали самогон (в сторону к Бувальчику) и возвращались, ничего не подозревая. Часовые их и схватили. Всех свели в большой дом Марчана Александра в центре деревни, недалеко от церкви (Черневский: «Марчан Анна Лаврентьевна, урожденная Бельницкая, жена Марчана Александра, говорит, что не к ним, а к Марчану Остапу». — Е. С.). Мать носила передачу, но не принимали. К вечеру увезли на повозках в Тайшет.

Жук все дни выл. А когда привезли гроб и занесли в дом, все время торчал у открытого окошка, под которым лежал покойник, и скулил. Потом шел за гробом, а через несколько дней где-то пропал.

Повешенных разрешили снять только через три-четыре дня. Всех похоронили в ряд, один к одному, в разных могилах. (Рядом с могилой отца похоронили мать, которая умерла в пятидесятых годах.)

Предатель К. присутствовал на похоронах, подошел ко мне, похлопал по плечу: «Ничего, не плачь, Ваня, переживем как-нибудь, я вас не брошу».

Мы все были уверены, что и Мотря, жена Давыда, сестра матери, знала о затее мужа, и когда она после как-то пришла к нам, мать огрела ее ухватом и выгнала, лет пять еще не ходили друг к другу.

Приехали на похороны для наблюдения пятнадцать конных румын: «Что, партизан хороните?» (Черневский: «Пятнадцать конных румын приезжали за день до похорон, посмотрели и уехали, а в день похорон их уже не было». — Е. С.).

Андрейчук Петр, получивший двадцать пять плетей, партизан, был на кладбище и сказал: «Посмотрите, враг коло вас стоит, братцы, и мы на него смотрим».

Партизаны убили К.Д. под вечер, увели версты за полторы-две от пашни в лес. «Беги с горы!». Раненный в плечо и бок, он уткнулся лицом в землю, Марк пристрелил его из пистолета в лоб (?). Лежал у Луговки дня два. Потом партизаны сказали на поле Никифору Цукало: «Скажите в деревне семье, там у Луговки лежит гад, пусть зароят собаку, чтоб не вонял...»

Я точно знаю, что Готовый Андрей Максимович, брат Вартолия, погиб у партизан в бою и, кажется, не в Бирюсе, а уже после отступления, где-то в районе Шиткино (он был у Колчака и дезертировал). Еще ушли не то к партизанам, не то после в Красную армию Кваша Петр, Усик и Цукало, и все трое не вернулись, где-то погибли. Квашу Петра забирали румыны, вместе со всеми и секли плетями, а не Никиту (???)

После гибели Андрея и Вартолия их отец старик Максим жил с младшим сыном Григорием (старухи уже не было).

Отдельные эпизоды и замечания

• Максим Готовый и Семен Крячик были высокие, здоровые, с черными бородами (Черневский: «Тут рассказчик заврался, Крячик Семен если и имел бороду, то редкую и рыжую или русую». — Е. С.).

• Однажды я и Загородников Иван встретили Семена Крячика и не поздоровались. Он поймал меня да так отодрал за уши, что ой-ой-ой, а Загородников убежал. Это видел дед Максим и заступился за меня: «Что ты, Семен, я слышал, как они поздоровались!» Крячик Семен был глуховат.

• К.Д. казнили в пору уборки гречихи. Ее косили крюком, или, как у нас называли, грабками, — это особо сделанная, с приспособлениями коса.

• Обвиняли в предательстве (ходили слухи) еще и партизана Д.О. Он ездил на своем коне в Бирюсу и оттуда в Авдюшино, и его однажды задержали белые. А потом в день трагедии, ночью, говорили, будто он водил по улице румын и показывал на дома, кто где живет. Его в тот же день даже не взяли. Так и жил, и никто на него не доносил. Позже он сам попал под поезд и погиб.

• У предателя С.М.Ф. был брат Станислав, который ушел с Красной армией и не вернулся, будто погиб (Черневский: «Чушь, он погиб в германскую!». — Е. С.).

• Давыдова пашня была на горе, на полпути между Авдюшино и Бувальчиком (там всего восемь верст, а его пашня на четвертой-пятой версте справа, если идти в Бувальчик). Его взяли и повели через дорогу на другую сторону, спустили с горы к речке Луговке, поднялись на гору и там судили, и тогда уже сказали: «Беги», то есть обратно под гору к Луговке. В этом деле участвовали Харитон Омельченко и Григорий Демченко.

• Авдюшинские ездили в Тайшет через Тимирязевскую гору по заимкам к трубе и дальше по ту сторону на тракт. А луговские прямо на Тайшетку через заимки чалдона, где теперь с/х № 11. Осинниковские ездили в Тайшет через Авдюшино и той же авдюшинской дорогой по заимкам.

• У отца был наган, который остался под подушкой, его не искали. После гибели отца мать отдала его Кравченко. Отец, работая счетоводом в потребиловке, всю работу вел дома, у него был настоящий письменный стол с ящиками, на столе красивые настольные часы с зеркалом, этажерка с книгами, он любил читать. Был строгий, но не бил, а ставил в угол и в каждую руку по полену. Попросишься — отпускал. Меня наказывал дважды, сначала за то, что унес из дома его писчую бумагу и продавал в школе по копейке за лист, а второй раз — что взял наган за зеркалом и случайно выстрелил.

• Печь (в поповском доме) русская. Рядом с печью была еще плита. Мы на печи только сушили, никто не спал. Топили ее, только когда пекли хлеб, а так — плиту, в которую был вмазан котел для варева скоту. Однажды отец собрал много разных бумаг, еще что-то, сложил в мешок и где-то зарыл. После мы так и не нашли.

• У нас тоже была клуня (гумно), небольшая, там погреб. На погребе стояла койка, где я с братом летом спал.

• На меже между нами и Загородниковыми был хороший колодец, одна ручка от барабана на их стороне, другая на нашей. Этот колодец рыл специалист-колодезник, мужик ссыльный. Он же хорошо драл дранье трехаршинное, еще до партизанщины.

• У Самоновой Клавдии были центральные гулянки, в клуне даже танцевала и плясала молодежь, а вечерки — у Суханевич Марии, в большой половине дома (другая служила кладовой. (Черневский: «Она жила уже без мужа (убит) с детьми». — Е. С.).

• Бельницкий Роман брал Харитона Омельченко сестру Нину (Анисью), но ее отбил Перфилий, а потом снова отдал ее Роману. У Омельченко Харитона первая жена была Мария с востока, а вторая Бельницкая Галина (при советской власти).

• Ладченко Анна Степановна, дочь погибшего Степана Михайловича, 1915 г.р., в 1919 году ей было четыре года, ничего не помнит, но слышала, что отец ее в Харькове служил на сверхсрочной службе и оттуда приехал с семьей сначала в Нижнеудинск, где продолжал служить, а потом перебрался в Авдюшино. Но Иван Степанович это отрицает (пребывание и службу в Нижнеудинске). Отца и его семью в деревне называли Капрал-фельдфебель.

В Авдюшиной жил отец матери Горобец Григорий, братья Никита Григорьевич, Мартын Григорьевич, Захар Григорьевич и сестра Матрена Григорьевна (жена Кравченко) — Мотря Горобчиха. Она после вышла замуж за Усика и сейчас живет в Тайшете в железнодорожной будке. От Давыда у нее было двое детей — сын и дочь, оба, кажется, живут в где-то в Тинской и носят фамилию Кравченко. А от Усика одна дочь, с которой она сейчас и живет.

Она же слышала, что их отец, как и другие, скрывался в лесу и на пашнях, но на ночь часто приходил домой. Так было и «тогда». Говорили, что выдали соседи Демченко, с которыми они были в ссоре (подозрение падало на партизана Осипа Демченко).

(Часть рассказа А. С. Ладченко об Авдюшино см. в кн. «Населенные пункты».)

Пояснение к плану деревни Авдюшино

«У моста» — Готовый Вартолий Максимович.

1. Кваша Никита с сыном Петром. Ладченко Иван Степанович уверяет, что пороли не старика Никиту, а его сына Петра, который потом ушел с Красной армией и погиб. Дочь Никиты Маланья позже стала третьей женой Перфирия.

2. Гудзь (см. Бельницкий Перфирий).

3. Лосинский (за речкой). Сам жил в Тайшете, а семья (первая жена Елена Негрей, вторая Марфа Игнатьевна Суханевич) оставалась в Авдюшино. Он забрал ее после авдюшинской трагедии. Дети: Ольга, Екатерина, Владимир (1914—1915 г.р.).

4. Суханевич Марк — предатель (см. кн. 7, Суханевич Марфа Игнатьевна).

5. Усик Потап (за него вышла жена Барана Куприяна Матрена после казни мужа и стала Потапихой).

«Угол» — Готовый Матвей Максимович.

Бельницкий Федот Перфильевич — еще не женат. Бегал за Дарьей Крячик. Арестовывали вместе со всеми, как и Романа. По некоторым данным, Федот немного партизанил в Бирюсе.

Марчан Александр Карпович (жена Анна Лаврентьевна, урожденная Бельницкая, сестра Перфилия, см. ее воспоминания в книге 5).

Марчан Остап Карпович — в его дом сводили арестованных (жена Елена).

Марчан Иван Карпович (жена Мария) — его предал железнодорожный мастер Куделькин.

Первый отрезок

- Кравченко Давыд. Довел тестя Григория Горобца до того, что он еще перед партизанщиной повесился на крюку, сидя на лежанке. А после казни Давыда в этот дом перешел Мартын.

- Ляшенко .

- Негрей Степан, горе-партизан. Его сестра Елена – первая жена Лосинского.

-Бельницкий Лаврентий, или Лавруха.

- Бельницкий Перфирий. Первую жену Нину (Анисью Абрамовну Омельченко) отбил брат Роман. Вторую жену привез в свой «дворец» — в дом Гудзя с глиняным полом. Тут и жила она, офицерша Степанида, в 1919 году с дочкой Тамарой лет двух. Он был многоженец... Пятая жена, Александра Ефимовна, урожденная Марчан. С ней он и жил до ареста в 1937 году в Туманшете, где работал на должности прораба сплава.

ДМИТРИЙ ИННОКЕНТЬЕВИЧ ПАНКАЛОВ

**Родился в 1901 году, старожил г. Тайшет,
из плеяды первых комсомольцев,
свидетель историко-революционных событий в родном городе.
Проживает ныне в Тайшете, в том же доме, что и всегда, —
по бывшему Волостному переулку (ул. Октябрьская, 9).
Записи сделаны после нескольких встреч,
последняя из которых состоялась 24 сентября 1965 года.**

План бывшего Волостного переулка

Здесь изображено неправильно (схема переулка в рукописной книге воспоминаний. — Е. С.). На самом деле здание волостного правления не второе от угла, а пятое! Посредине улицы. «

Я всю жизнь прожил в своем доме рядом с волостной управой (волостным правлением), где в 1918 году был первый Совет, затем земство, затем первый ревком и в 1921 году опять Совет. В 1922 году его перевели в дом Зюсинцева на второй этаж (где теперь военкомат). Я все и всех видел. Старшим волостным писарем до революции работал Москвитин Кузьма Давыдович, живший в своем доме рядом с нами.

В земстве при Колчаке председателем был Мункин, молчаливый, но подлый, и дурак! Лосинский жил бедно, никогда не снимал своей черной рубашки и сам был жгучий брюнет с зачесанными назад волосами. Жил рядом с Мункиным. Мункин жил в собственном доме на углу Базарной и 2-й Зеленой (теперь угол Советской и Комсомольской). Крашенный угловой дом, дальше сберкасса, где предприятие — дорожный участок, против ФЗО.

Калоша — недалекий, но хороший каратель. Среднего роста, коренастый, усы, бульдожья морда. Светло-серая военная шинель, крученые погоны, фуражка с кокардой. Сапоги. Вооружен...

Сразу после Февральской революции в волости заправлял Мамаев Павел Алексеевич — высокий, худощавый, в однорядке (Черневский: «А не в шинели?». — Е. С.), с бородкой. Хозяином лавки в Бирюсе и тогда уже был не его отец, дряхлый старик, а он. Сотовый мед, красиво уложенный, продавался в фанерных коробочках типа пенала с выдвигающейся крышкой, а на крышке этикетка зеленая: «Иркутская губерния, Нижнеудинский уезд, Тайшетская волость, село Бирюса. Пасека Мамаева Павла Алексеевича».

Членом управы при Мамаеве был Грибанов Петр Германович, кулацкий сын, но малограмотный, окончил Байроновскую сельскую школу, писал как курица лапой, писарем не был. А Грибанова Иннокентия Никифоровича не знаю, такого не было.

Пищу для арестованных в волуправу приносили из трактира. Партизан туда не сажали, а в вагоны, что стояли на воинской площадке, где теперь железнодорожная баня. Когда пороли — все и далеко слышать. Были случаи побегов через полы на наш двор...

Нападение на Тийса и его самоохрану

В первый короткий период советской власти, когда Тийс был председателем волисполкома, при волисполкоме была сельская самоохрана, дружина, что-то вроде милиции. Хорошо помню, что в составе самоохраны был тайшетский коренной житель Георгий Шелехов (его в живых теперь нет). Охрана размещалась в доме купца Айдинова (не вредный был купец, сам отдал дом под самоохрану) по Трактовой улице, где теперь медучилище. С улицы был вход с крыльцом у западного края дома.

Рядом с домом Айданова (с самоохраной) была сельская — избушка на курьих ножках, четыре на четыре метра. В сельской у Тийса, а не в волости, работала делопроизводителем моя сестра Мария Панкалова, 1898 г.р..

Сразу после падения Нижнеудинска, в тот же или на другой день, но точно было это в воскресенье (Черневский: «После падения Нижнеудинска первый воскресный день — 1 июня!». — Е. С.), местная буржуазия решила разоружить охрану волисполкома, и целая толпа собралась у дома Айдинова. Тийс пронюхал о замыслах реакции и явился сам. Толпа стала и ему угрожать. Тийс встал на крыльцо, держась рукой за маузер, и что-то объяснял, но толпа наседала. Он был в ботинках, в брюках навыпуск и в кепке, хотя обычно носил шляпу. Тип матроса. (Черневский: «Нет, и тогда был в своей неизменной шляпе и в пиджаке». — Е. С.)

Было это после богослужения, сразу же, как только кончилась служба (очевидно, в церкви большевиков предавали анафеме!).

Помню многих тех, кто был в толпе и особенно рьяно наседали на Тийса.

- Кабанов Павел Васильевич, купец. При советской власти, после того как сгорел его дом на углу Юго-Вокзальной улицы и Супруновского переулка, он пытался откопать свое золото. Сашин купца задержал, но он после этого бежал.

Все дома на восточной стороне Супруновского переулка были Кабановские, а на западной — Супруновские. На углу Юго-вокзальной и Супруновского переулка, где теперь склад райпотребсоюза, был дом и магазин купца Кочергина. Магазин дорогих товаров — мануфактура, золото. Кабанов был его приказчиком, женился на его дочери, вышел в люди, купил дом, где теперь детский сад рядом с хлебным, с рощей.

Когда Кочергин умер, Кабанов стал жить в его доме. Вот этот дом и сгорел после нэпа, примерно в 1923—1924 гг. При нэпе Кабанов вовсю торговал, а потом уехал. После пожара приехал и откопал золото в железном сундучке-чемоданчике. Делец крупного масштаба!

А собственно кабановский дом, где теперь детсад, не горел, цел. Горел еще угловой дом, где теперь книготорг, но это не кабановский дом.

- Терсинский Павел Степанович, управляющий жернаковским лесозаводом, черносотенец (но здесь не был!).

- Антошин Григорий Игнатьевич — ярый враг советской власти. Тип. Хитрец. Эсер! Особенно горлопанил! Его дом, где было районо, сейчас музыкальная школа. До революции открыто держал винополку в этом доме, а сидельцем у него был Арефьев. Занимался немного сельским хозяйством.

- Мальцев — трехкопеечный эсеришка, местный кулак, бывший сельский староста, занимался только сельским хозяйством. Его дом — где теперь городно (раньше на улице Трактовая). Одно время держал в своем доме трактир и земскую квартиру, бланку (?), ездовых и беговых лошадей.

- Ермаков, торгаш. Его дом, где теперь аптека, угол улиц Базарная и Первая Зеленая.

Еще яро выступал и требовал расправы горшечник (наемные работники руками делали горшки), фамилию которого я забыл. В 1917—19 гг. был задлый враг красных, сам уже старый, дряхлый, а орет. Умер при советской власти. Его дом, где сейчас артель мод.

И, наконец, как ни странно, не меньше всех этих типов старался Михаил Жичкин, мясник-торгаш, ставший потом неплохим партизаном. Анархист. Они покупали скот, били и торговали мясом на базаре, а лавки не имел. Отличался хулиганством. В переулочек, где они жили, названный их именем (теперь Интернациональный), боялись заходить. Он был тогда на сходе в синей темной рубахе с расстегнутым воротом.

Не помню уж, был ли на этом сборище Латак Дементий (не то он, не то его отец — не то меньшевик, не то эсер). Сын Иван крестьянствовал и при советской власти был председателем сельсовета.

Зюсинцев — подрядчик, сам жил во Владивостоке, а свой двухэтажный дом сдавал под сельскую школу (там теперь райвоенкомат). Второй его дом на Первой Зеленой (ул. Ленина), где теперь детсад или ясли.

Из земцев, эсеров и меньшевиков, кроме Антошина, никого не было!

Стоял теплый день, и шел небольшой дождь. Толпа наседала — раздался залп. Это охрана стреляла из окон вверх. Толпа рассеялась.

В тот же день к вечеру приехали из Нижнеудинска чехи... До этого их эшелоны на станции Тайшет не стояли.

Где сейчас железнодорожный клуб, была железнодорожная школа. Там есть двухэтажная пристройка с балконом. С этого балкона выступил молодой анархист, сын переездного сторожа-шлагбаумщика Церковников Евсей. Чехи сбросили его с балкона — и насмерть...

Сразу после свержения советской власти начальником железнодорожной милиции стал у белых Огородников, высокий, черные волосы, представительный, — гроза всех большевиков. Лет 25—27. Местный.

Дом, на который указала вам Шелехова, будто там судили Бича, напротив Дома пионеров, как и теперь, был пекарней. Тогда Лев Васильевич Кривоуццкий пек сайки, сушки и продавал оптом, торговали другие. Там ничего другого не было и не могло быть. Бича могли судить в здании бывшего полицейского управления на Трактовой улице, рядом с нынешним тубдиспансером, а в диспансере была тогда почта. Почтмейстер и полицмейстер — рядом. Соседи. Впрочем, точно этого я не знаю.

Столовая на углу улицы Трактовой и... а также двухэтажный дом на Трактовой, где сейчас горкомхоз и ЗАГС, принадлежали нэпману Сорокину. Он появился у нас в 1921 или 1922 году в период НЭПа, дом построил в 1924 году. Не за деньги, а за водку.

От угла Трактовой (где потом построил дом Сорокин) и до самой железнодорожной линии были только китайские палатки и лотки, и этот участок и улица назывались Американский квартал.

Сорокин построил также двухэтажный дом в Волостном переулке, между Тихоненко и Розенталем, по нашу сторону.

Первый известный мне ревком в 1920 году помещался в волости, и председателем его был моряк Шинкаренко Михаил, пришедший с регулярной Красной армией. Я был у него делопроизводителем, но вскоре ушел на фронт. Его сменил бывший партизан Тимошечкин Михаил Ильич, тайшетский, среднего роста, корявенький. А затем Иванов, тоже партизан — Серафимовского фронта с участка Козловка из-под Талой.

В 1920 году я ушел в армию, а когда вернулся в 1922-м, Тийса и Шинкаренко уже не было.

Начальником тайшетской милиции сразу после победы над Колчаком стал бывший партизан коммунист Соколов Афанасий Васильевич. С ним в милиции недолгое время работал Орлов Василий Андреевич, который вскоре был переведен секретарем Байроновского сельсовета, затем работал в волисполкоме, а потом инспектором партхозучета (в партизанах он не был!).

Заднепровский Антон (Заднепровный) был председателем сельского Совета, ходил в фасонистых галифе. А что он был раньше эсером, не знаю. Кузьму Толстых совсем не знаю. А вот Белоусова Егора Петровича знаю — в 1917 году был сельским писарем, крепкий крестьянин, хорошо грамотный, имел одноэтажный крытый железом дом — угловой напротив железнодорожного клуба.

При Колчаке торговали многие купчишки.

1. Захаров Николай Никитич с матерью (старик отец Никита Аркадьевич умер еще до революции). Жили и торговали в своем доме по Юго-Вокзальной, восточнее Волостного переулка. Это бандит, которого поймали и расстреляли.

2. Кочергин Милентий Климентьевич жил на Юго-Вокзальной и там же торговал до 1922 года. Это рядом с пекарней Льва Кривоуццкого. Брат Милента Алексей торговал в Нижней Заимке. Их отца Климентия Тимофеевича уже не было в живых.

3. Агишев Хасан Алиевич торговал при царе, Колчаке и нэпе. Каменный дом — там судили Бича. В каменном доме магазин, а жил в деревянном доме во дворе. У него было много детей: сын Владимир, дочь красавица Ханифа...

4. Шеин (Николай) Василий Александрович — угловой каменный дом (угол Юго-Вокзальной и Базарной, или Американский квартал), построен им в 1911 году. Но, по данным, он торговал здесь мануфактурой только до 1917 года, а в 1919-м здесь была кооперация Енгубсоюза.

5. Файзулин — магазин, где старый нарсуд, рядом с нынешней столовой. В другой половине торговал Ибатулин.

6. Мальшев, татарин-охотник. Его магазин стоял на углу Трактовой, рядом со столовой, сейчас снесен. Бывало, уйдет в тайгу на охоту и там пьянствует.

7. Ларин — мелкий торгашонок, в районе нынешнего ателье у сквера.

8. Ануфриев — там, где теперь главная столовая. Раньше в этом доме в

южной половине торговал он, а в северной Романовский Петр Яковлевич, брат Ивана Яковлевича, что жил и торговал в Волостном переулке.

Но Петр уехал еще в 1918 году, остался один Ануфриев. Этот Романовский с 1900-го по 1906 год держал у себя кабак и торговал вином из бочек, пока в 1906 году не появилась казенная винополка.

9. Бобровский Иван Данилович — скототорговля. Его дом угловой, рядом теперь госбанк. Но он умер еще при царе.

10. Супрун Иван Корнеевич. Вся западная сторона переулка — его имени. Жил в своем доме — угол улицы Юго-Вокзальной и Супруновского переулка. А на углу Супруновского и Трактовой был двухэтажный дом. В первом этаже был кинематограф. Сам сидел в кресле посередине и курил. На втором этаже бильярдная и буфеты. В ограде был его квасной дом, где он изготавливал квас и торговал им оптом. А вообще имел семнадцать домов!

Его брат Филипп Корнеевич повесился в бане! У него осталось два взрослых сына — Осип и Павел Филипповичи Супруны.

В двухэтажном доме Супруна и был народный дом! Позже он сгорел. Сторожом народного дома был здоровый седой старик Сергей Передереев, а не Филипп. Писаря волостной управы латыша Карла не знаю.

В промежутке между домом Шеина и его жилым домом располагались еще три дома Жукова Егора Михайловича (2, 3, 4-й). В 1902—1904 гг. он был жандармом, в 1905—1906 гг. торговал, а позже в одном жил сам, а два дома сдал в наем.

В доме Айдинова была самоохрана Тийса. Дом с крыльцом на улицу. До 1912 года он торговал, а затем жил на заимке на устье Тайшетки, ниже Сафроновской заимки, — пчелы, охота, лошади!

О разных людях

Шелехов Фан (Феофан) жил на трактовой, был мелким подрядчиком-строителем, сельским хозяйством не занимался, церковный староста — продавал свечи! Высокий, худощавый, не брился и бороды не имел — его называли Недобриток.

Шаравин Василий — поп, жил на Первой Зеленой напротив нового суда. Его дом — это середина нынешнего дома с двумя пристройками по концам, которых раньше не было. Матушку звали Нина Александровна. В 1908 году он прострелил своей жене-матушке глаза. Сумасшедший и вредный старик.

У него было много детей. Сын Костя был глухонемой, окончил школу глухонемых и сапожничал, столярничал, хорошо знал дактильную азбуку¹, куда-то уехал в 20-е годы. Сын Виталий с ними почти не жил, учился где-то в Иркутске или во Владивостоке. Дочь Тамара, красавица, вышла замуж в советские годы и тоже куда-то уехала.

У Шаравина жил белый офицер Белозерцев.

¹ Ручная азбука (дактилология) — знаковая система, применяемая в общении с незлышащими.

Инспектора народных училищ Кириллова не знаю, не помню, а при царе был инспектор Тумилович.

Фон Панцырь — аптекарь, держал аптеку в своем доме рядом с Жигульским на Юго-Вокзальной (Черневский: «Бежал еще в 1917 году». — Е. С.).

Жигульский, его дом — это бывший старый военкомат. Жил очень хорошо, ничем не занимался, ничего не делал, но держал кирпичный сарай. Ходили упорные слухи, что где-то недалеко по Каменке, у какого-то ключика нашел россыпи золота. Колбасником никогда не был.

Колбасником был Блинов Федот Арефьевич. Его дом-лавка, где теперь комиссионный магазин, по Американскому кварталу, или по Базарной. Это его брат Блинов Ефим Арефьевич купил дом у бежавшего Романовского Ивана Яковлевича, что в Волостном переулке напротив нас.

Писарев Серафим Семенович, насколько знаю, был крестьянским начальником не в Тулуне, а именно в Тайшете. Он жил здесь безвыездно до революции — на нынешней улице Чапаева, в одном из шести домов, принадлежавших Зюзинцеву. Арендовал, а своего дома не имел. Ему подчинялись и волостной старшина и жандармы. Гроза. Затопает ногами, накричит — только держись. Но безвредный! Здоровый мужчина с красивой седой бородой.

В день рождения Писарева или накануне нарезался Серафимовский участок. Он сам нарезал и назвал деревню своим именем в честь дня рождения.

Его брата, служившего у румын, я не знаю. Дочь Серафима Семеновича, Соня, в советские годы вышла замуж за коммуниста Воронова.

Леля Маулевич — дочь сестры жены Писарева. Ее отец и мать умерли, и она жила у них. В 1922 году, когда я вернулся с фронта, Лели Маулевич тоже уже не было в Тайшете.

Железнодорожники

Начальникака депо Кожжерновского я не знаю, и не думаю, что он был в 1915—1916 гг. Не помню такого. При Теодоровиче в 1914—1915 гг. был начальником депо Тимофеев, и они очень дружили. У него были сыновья Костя и Вася и одна дочь.

Рядом с Тимофеевым жила учительница Широкова Зинаида Феофиловна, у нее были взрослые дети: сын Константин, примерно 1900 г.р., и Зина, старше его. Да, они учились у Теодоровича, и они все дружили. Широкова З.Ф. картавила, не выговаривала букву «л». Вместо «шла» скажет «шва». Ученики за глаза дразнили ее: «Шва, шва — пирожок нашва!». Жила, кажется, без мужа.

Врач Захвалинский Николай Григорьевич что-то вроде эсера. Жил в доме Супруна — угол Юго-вокзальной и Супруновского переулков (Супруновский переулочек уже тогда именовался Кооперативной улицей). Его жена Евдокия Петровна была учительницей железнодорожной школы.

Второй врач, Булгаков Иван Алексеевич, жил на северной стороне железной дороги в своем доме и умер в Тайшете, никуда не уезжал. Жена его два центнера весом, все лето отсидивалась в подвале. Матерщинница!

Революционная молодежь

Бадины Михаил и Александр — братья 17—18 лет, первые комсомольцы, их отец был стрелочником. Михаил сейчас доцент Уфимского мединститута.

Ильины Михаил и Николай, 17—18 лет. В отношении Михаила не помню, а Николай был один из первых комсомольцев.

Мутовина Аня, 18 лет. Комсомолкой не была. И о том, что она вышла замуж за Неклюдова, не знаю.

Файбышевичи Вениамин и Ананий — первые комсомольцы. А их старший брат Аркадий не был в комсомоле. Их отец — фельдшер-шкуродер.

Лещинский Зенка — в комсомоле был мало и не активен.

Неклюдов Михаил Иванович, 1892 г.р. приблизительно, был учителем рисования в железнодорожной школе.

Стрелкова Лиза — одна из первых комсомолок.

Кочергина Евдокия Васильевна — была в комсомоле.

Макарова Дуся (не Зоя) — дочь купца, рыженькая, сейчас работает врачом в Красноярске.

Майлевич Леля, лет 18-ти, в комсомоле?

Панкалова Мария Иннокентьевна — моя сестра. Она работала делопроизводителем у Тийса в сельсовете и в охране (тогда ей был 21 год). Потом работала учительницей в деревне Капдазыхе, где-то недалеко от Новошелехово.

Туда, в Новошелехово, под именем Тронин Александр Иванович приехал и устроился работать учителем Горохов Андрей Григорьевич. Будучи арестован при Колчаке в Нижнеудинске, где отбывал ссылку, он при помощи друзей бежал. Рассказывал, что при побеге встретил у моста есаула Кузнецова на белом коне орловской породы. Красивая лошадь! Но есаул, хоть и узнал его, не обратил внимания. Горохов высокий, стройный, тип рабочего-революционера, 1893 г.р.

Из раненных 8 мая 1919 года телеграфисток я знаю Горбач Марию, Лаптеву Таню, но они ранены не партизанской гранатой, а осколками артиллерийского снаряда чехов. Таня была ранена в ногу. Что касается Попович Тани и Морозовой Насти, таких не знаю (Черневский: «Попович Таня была женой дежурного по станции Поповича Петра и действительно была ранена!». — Е. С.).

Таня Лаптева. Вскоре после событий 8 мая 1919 года она была повешена. Это произошло так. Ей передали, чтобы отправить то ли в Иркутск, то ли в Нижнеудинск, спешную телеграмму. Комендант долго ждал ответа, не дождавшись, послал офицера, который относил телеграмму, проверить. Телеграмма оказалась непереданной. А прошло всего пятнадцать минут! (Черневский: «Ответ запросил не комендант, а штаб Тайшетского гарнизона», — Е. С.). Комендант без суда и следствия тут же велел ее повесить. Ей было лет 18—19. Две красивые толстые косы и коричневое платье. Они жили в железнодорожной казарме. Отец Лаптев Андрей Михайлович — рабочий пути в Тайшете, брат Михаил, лет двадцати, тоже работал тогда на транспорте. Жива была и мать.

(Черневский: «Чушь! 14 сентября 1966 года подруги Лаптевой Шипилова Клавдия Ивановна и Абакумова Анна Николаевна сообщили, что телеграфистка Татьяна Андреевна Лаптева была ранена в ногу, ей оторвало палец, но

она жила и переписывалась с ними до 1965 года, умерла в Соликамске. И вообще, никакой повешенной девушки не было». — Е. С.).

Я знал Кашика, дорожного мастера, который жил в Тайшете на Юго-Вокзальной. В 1910—1912 гг. его сын Сергей учился вместе со мной во втором классе железнодорожной школы, а другой сын, Женька, уже в пятом классе. Евгения я встретил в 1920 году в Троицко-Савске, он был ранен в ногу.

Кроме офицера Белозерцева, жившего у попа Шаравина, я знал хорошо белого офицера Монахова, комиссара почты (военный контроль), потому что он хорошо играл на сцене, и мне приходилось участвовать вместе с ним в пьесе Софьи Белой «Поцелуй Иуды» в железнодорожной школе. Монахов был режиссером постановки и сам играл Иудушку! (Черневский: «Монахов, по Лифантьеву, — связной Теодоровича». — Е. С.)

Теодорович любил говорить: «Казним Николашку!».

В 1912—1914 гг. жандармами были Цицилин, Полежайкин, Голубев.